

ТАМБОВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ
1 и 15 чисель.

№ 12.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и доставкою на домъ;
безъ приложений 5 р., съ приложениями 6 руб.

15-го іюня

ГОДЪ XIX.

1879 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

Указы Св. Правительствующаго Синода.

Отъ 22-го марта—16-го апрѣля 1879 г. за № 595. По вопросу объ оплатѣ гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній и другихъ бумагъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ духовнаго званія.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 7-го марта сего года за № 1161, о томъ, что, согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 8-го ноября—28-го декабря минувшаго года, сообщено было министру финансовъ объ изъясненныхъ въ ономъ соображеніяхъ относительно освобожденія отъ оплаты гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній, протоколовъ и другихъ бумагъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ. Нѣнѣ товарищъ министра финансовъ сенаторъ Гирсъ увѣдомляетъ, что по 1 п. 45 ст. герб. устава отъ

гербоваго сбора освобождены прошенія и другія бумаги, означенныя въ ст. 6 п. 1, а также разрѣшительныя бумаги во всѣхъ вѣдомствахъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ; къ числу же разрѣшительныхъ бумагъ, согласно п. А № 215 алфавитнаго къ гербовому уставу перечня, относятся и выдаваемыя должностными лицами и правительственными, какъ судебными, такъ и административными установленіями, копии съ разрѣшеній, опредѣленій, приговоровъ, постановленій и другихъ документовъ. Посему, на основаніи п. 1 ст. 45 герб. уст., отъ гербоваго сбора изъяты копии съ рѣшеній, протоколовъ и приговоровъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ духовныхъ лицъ. Что же касается установленной ст. 795 Уст. Угол. Суд. 1864 г. платы по 20 к. съ каждаго лица за написаніе копии съ приговора, выдаваемой участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, то плата эта не составляетъ гербоваго сбора, и вслѣдствіе того помянутая 795 ст. сохранила свою силу и послѣ введенія въ дѣйствіе, съ 1-го іюля 1875 г., устава о гербовомъ сборѣ 17-го апрѣля 1874 года. И, по справкѣ, приказали: объ изясненномъ въ отзывѣ товарища министра финансовъ разъясненіи вопроса объ оплатѣ гербовымъ сборомъ копій съ рѣшеній, протоколовъ и другихъ бумагъ, выдаваемыхъ просителямъ по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ лицъ духовнаго званія, объявить по духовному вѣдомству для свѣдѣнія и въ надлежащихъ случаяхъ руководства и исполненія, для чего и припечатать настоящее опредѣленіе въ «Церковномъ Вѣстникѣ».

Отъ 13-го марта—13-го апрѣля 1879 года за № 20. *О составленной г. Гиляровымъ книгъ подъ названіемъ: „Этимологія церковнославянскаго языка“ съ журналомъ учебнаго комитета.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложен-

ный господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, отъ 28-го февраля сего года за № 85, коимъ составленная преподавателемъ 3-го военного александровскаго училища *Θ. Гиляровымъ* книга «Этимологія церковно-славянскаго языка для среднихъ классовъ гимназій» (Москва 1876 г.) одобряется въ качествѣ учебнаго пособія для мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ мужскихъ и совѣтамъ епархіальныхъ женскихъ училищъ сообщить циркулярно, чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета.

Отъ 1-го марта—13-го апрѣля 1879 года за № 17. О составленной *и. Смирновымъ и Клеменчикомъ* книгѣ подъ названіемъ: „Учебникъ латинскаго языка“ съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 25-го января сего года за № 25, съ журналомъ Учебнаго Комитета, коимъ составленная преподавателями 2-й С.-Петербургской гимназій *И. Смирновымъ и О. Клеменчикомъ* «Учебникъ латинскаго языка» (вып. 1-й С.-Петербургъ 1878 г) допускается въ фундаментальныя библіотеки духовныхъ училищъ, въ видахъ ознакомленія преподавателей латинскаго языка съ методою изученія латинскихъ формъ чрезъ образованіе формъ словъ отъ ихъ основъ. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ училищъ, сообщить циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копии съ журнала Учебнаго Комитета.

Отъ 6-го марта—13-го апрѣля 1879 года, за № 18. О составленной профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи Николаемъ Барсовымъ книга подъ названіемъ: „Историческіе, критическіе и полемическіе опыты“, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный господиномъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, отъ 8-го феврала сего года за № 50, коимъ составленная экстраординарнымъ профессоромъ С.-Петербургской духовной академіи Николаемъ Барсовымъ книга «Историческіе, критическіе и полемическіе опыты» (С.-Петербургъ 1879 г.) одобряется для приобрѣтенія въ фундаментальныя бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ, а равно и гимназій министерства народнаго просвѣщенія. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и, для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій и училищъ, сообщить циркулярно чрезъ «Церковный Вѣстникъ», съ приложеніемъ копій съ журнала Комитета.

Отъ 20-го апрѣля—8-го мая 1879 года за № 788. Объ учрежденіи въ литовской духовной семинаріи стипендіи имени преосвященнаго Макарія, бывшаго архіепископа литовскаго, нынѣ Митрополита Московскаго.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе господина Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 12-го апрѣля сего года за № 1682, о томъ, а) что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 24 января—13 февраля сего же года, онъ имѣлъ счастье входить со всеподданнѣйшимъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ докладомъ объ учрежденіи въ литовской духовной семинаріи имени преосвященнаго

Макарія бывшаго архієпископа литовскаго (нынѣ Митрополита Московскаго), на счотъ процентовъ съ пожертвованнаго имъ для сей цѣли капитала въ 2,000 р., и о предоставленіи Святѣйшему Синоду права утвердить положеніе о сей стипендіи, и б) что ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ благоугодно было, въ 7-й день минушаго апрѣля, собственноручно написать на означенномъ докладѣ: «Согласенъ и благодарить». Приказали: Объ изъясненной Высочайшей воли, для припечатанія въ журналѣ «Церковной Вѣстникъ» редакцію коего поставить въ извѣстность, по принятому порядку.

Отъ 11-го апрѣля—11-го мая 1879 года за № 660. *По вопросу о томъ, имѣютъ-ли члены духовныхъ консисторій право на совмѣстное полученіе жалованья по консисторіи и пенсій за службу по министерству народнаго просвѣщенія.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 9-го февраля сего года за № 1617, по вопросу о предоставленіи членамъ духовныхъ консисторій права на совмѣстное полученіе жалованья по консисторіи и пенсій за службу по министерству народнаго просвѣщенія. Справка: см. «Церковной Вѣстникъ» 1877 года № 43-й. Приказали: Вслѣдствіе объявленнаго г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ въ 4-мъ № «Церковнаго Вѣстника» за 1876 г. состоявшагося, по соглашенію министерствъ народнаго просвѣщенія и финансовъ, II отдѣленія Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА канцеляріи и государственнаго контроля, постановленія о томъ, что одновременное полученіе членами духовныхъ консисторій жалованья по должности и пенсій, если таковыя заслужены по министерству народнаго просвѣщенія, какъ несогласное съ закономъ (ст. 12 и 14 Уст. Пенс.), не должно быть допускаемо; нѣкоторые епархіальные прео-

святѣнныя стали входить въ центральное управленіе духовнаго вѣдомства съ ходатайствами объ отмѣнѣ сказаннаго постановленія, какъ долженствующаго вредно отразиться на ходѣ епархіальныхъ дѣлъ, ибо духовныя консисторіи въ бывшихъ законоучителяхъ учебныхъ заведеній имѣютъ опытнѣйшихъ и благонадежнѣйшихъ членовъ, а въ консисторіяхъ западныхъ епархій, гдѣ въ городахъ число церквей незначительно, даже единственныхъ членовъ. Пресвященные выразили опасеніе, что члены консисторій изъ упомянутыхъ пенсіонеровъ найдутъ для себя невыгоднымъ отказаться отъ заслуженной пенсіи и предпочтутъ оставить многосложныя обязанности членовъ консисторій, чтобы, сохраняя пенсію, въ мѣстахъ приходскихъ священниковъ, найти въ вознагражденіяхъ отъ прихожанъ за требы необходимыя средства къ существованію своему и семействъ ихъ. Признавая эти опасенія уважительными, Святѣйшій Синодъ, по опредѣленію 20-го мая 1877 года, предоставилъ г. синодальному Оберъ-Прокурору снестись съ вѣдомствами, участвовавшими въ разрѣшеніи вышеупомянутаго вопроса, не окажется ли возможнымъ испросить отмѣну сдѣланнаго тѣми вѣдомствами постановленія. Вѣдомства эти вслѣдствіе сего увѣдомили, что дѣйствіе статей устава о пенсіяхъ, по коимъ недопускается одновременное полученіе жалованья и пенсіи, распространяется и на членовъ духовныхъ консисторій, выслужившихъ пенсіи за учебную службу, какъ по министерству народнаго просвѣщенія, такъ и по другимъ вѣдомствамъ, вслѣдствіе чего, для осуществленія предположенія Святѣйшаго Синода о совмѣстномъ полученіи членами консисторій жалованья по ихъ должности и пенсіи за прежнюю законоучительскую службу, необходимо было бы испросить, въ установленномъ законодательномъ порядкѣ, отмѣну дѣйствующаго закона на предметъ предоставленія законоучителямъ изъ духовныхъ лицъ новыхъ пенсіонныхъ льготъ. Въ виду таковаго отзыва Святѣйшій Синодъ не находитъ возможнымъ въ настоящее вре-

мя ходатайствовать объ взмѣненіи существующихъ постановленій въ смыслѣ предоставленія членамъ всѣхъ духовныхъ консисторій права полученія, вмѣстѣ съ жалованьемъ по должности члена консисторіи, и выслуженныхъ ими пенсій за учебную службу. Но вмѣстѣ съ симъ, принимая во вниманіе, что для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ въ Западномъ Краѣ и Царствѣ Польскомъ, п. 5 ст. 12 Пенс. Уст. и § 9-го Высочайше утвержденныхъ 3-го іюля 1867 года правилъ о преимуществахъ чиновниковъ русскаго происхожденія, переходящихъ на службу въ нѣкоторыя губерніи Западнаго Края и въ Царство Польское, сдѣлано изъятіе изъ общихъ пенсіонныхъ правилъ, по коему симъ лицамъ предоставлено право сохраненія пенсіи на службѣ, Святѣйшій Синодъ, признаетъ необходимымъ, согласно отзыву министра финансовъ, предоставить г. синодальному Оберъ-Прокурору испросить, установленнымъ порядкомъ, Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе на распространеніе такового же изъятія и на членовъ духовныхъ консисторій въ мѣстностяхъ, указанныхъ въ 5 п. 12 ст. Пенс. Уст. и въ Царствѣ Польскомъ. О содержаніи настоящаго опредѣленія поставить въ извѣстность, чрезъ «Церковный Вѣстникъ», преосвященныхъ епархіальныхъ архіереевъ.

Отъ Хозяйственнаго Управленія циркулярное извѣщеніе правленіямъ духовныхъ училищъ мужскихъ и женскихъ.

Хозяйственное Управленіе симъ имѣетъ честь извѣстить правленія мужскихъ и женскихъ духовныхъ училищъ, что статскій совѣтникъ Радонежскій представилъ въ Хозяйственное Управленіе 200 экз. составленнаго имъ сборника для класснаго чтенія подъ названіемъ: «Родина», для безмездной разсылки въ бібліотеки и высылкѣ въ каждое изъ такихъ училищъ по одному экземпляру названной книги.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Утверждены въ должностяхъ.

Священникъ села Польнаго Конобѣева, *Михаилъ Фіолетовъ* помощникомъ благочиннаго и членомъ благоч. совѣта въ 3 Шацкомъ округѣ.

Священникъ села Повослокъ, *Теодоръ Курганскій* членомъ благочиннич. совѣта въ 3 Шацкомъ округѣ.

Перемѣщены съ одного мѣста на другое.

Псаломщики—діаконы селъ: Елань Козловки Борис. уѣзда, *Илья Ястребовъ* и Гладышева, Тамбов. уѣзда, *Георгій Александровскій* одинъ на мѣсто другаго, согласно ихъ прошенію.

Уволенъ за штатъ.

Сверхштатный причетникъ села Васильевщины, Моршанскаго уѣзда, *Филиппъ Ивановъ*, согласно его прошенію.

Закрѣты мѣста.

При церкви села Пичаева, Морш. уѣзда, за смертію сверхштатнаго исправ. должн. псаломщика *Петра Сльпушкина*.

При церкви села Березовки Борисоглѣб. уѣзда, за численіемъ сверхштатнаго причетника *Андрея Уварова* въ штатъ на мѣсто умершаго исправ. должн. псаломщика *Василія Малинина*.

При соборной церкви города Кирсанова за численіемъ

віемъ сверхштатнаго причетника *Андрея Пересыпкинскаго* въ штатъ на мѣсто выбывшаго псаломщика *Семена Левкова*.

Опредѣлены на мѣста.

Псаломщикъ села Сасова, Елатом. уѣзда, *Стефанъ Кобяковъ* во священника къ церкви села Берестенокъ, того же уѣзда.

Студентъ Тамбовской духовной Семинаріи *Василій Лебедевъ* въ псаломщика къ церкви села Сасова, Елатом. уѣзда.

Псаломщикъ села Становаго, Козлов. уѣзда, *Михаилъ Николскій* во священника къ церкви села Стараго Бадикова, Спасскаго уѣзда.

Псаломщикъ соборной церкви г. Кирсанова, *Семенъ Левковъ* во священника къ церкви села Карай Пущина, Кирсановскаго уѣзда.

Открыты церковно-приходскія попечительства.

При церкви села Телелюя, Усманскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника *Николая Смирнова* съ 21 членами.

При церкви села Сланскаго, Лебедянскаго уѣзда, подъ предсѣдательствомъ Лебедянскаго купческаго брата *Андрея Чурилина* съ 24 членами.

Изъявлена признательность епархіальнаго начальства.

Землѣвладѣльцѣ села Спасскаго, Коз. уѣзда, *Надеждѣ Волковой*, за пожертвованіе для приходской церкви отопленья въ теченіе 8 лѣтъ на сумму болѣе 5000 руб.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

*Указъ Св. прав. Синода отъ 21 марта 1879 года, за № 905
о возведеніи въ санъ Архимандрита и Протоіерея.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали представленіе Его Преосвященства о награжденіи духовныхъ лицъ по Тамбовской епархіи. П р и к а з а л и: на основаніи бывшихъ разсужденій удостоить: а) возведенія въ санъ *Архимандрита* настоятеля Лебедянского Троицкаго монастыря *Игумена Павла* б) протоіерея: г. Тамбова, Вознесенской церкви, что при женскомъ монастырѣ, священника *Петра Бляковскаго*, города Лебедяни, Христорождественской церкви священника *Бориса Доброхотова*, города Кирсанова, Тихвинской церкви священника *Василія Салтыкова*, Борисоглѣбскаго уѣзда, села Козловки священника *Семена Кедрова* и Усманскаго уѣзда, села *Чамлыка* священника *Тимовея Орлова*.

*Указъ Св. Прав. Синода отъ 2 мая 1879 года, за № 1439,
объ открытіи въ Подгорновскомъ приходѣ, Козлов. уѣзда ва-
кансій втораго помощника настоятеля и третьяго псалом-
щика.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло по представленію Его Преосвященства объ открытіи вакансій втораго помощника настоятеля и третьяго псаломщика въ причтѣ Подгорновскаго прихода, Козловскаго уѣзда. И по справкѣ П р и к а з а л и: принимая во вниманіе, что въ Подгорновскомъ приходѣ числится 2827 душъ прихожанъ мужскаго пола и что содержаніе причта онаго достаточно обезпечено 123 десятинами земли, состоящей въ Козловскомъ уѣздѣ, от-

личающимся доброкачественностію почвы, Святѣйшій Синодъ, согласно представленію Его Преосвященства, опредѣляетъ: *открыть въ причтѣ Подгорновскаго прихода вакансіи втораго помощника настоятеля и третьяго псаломщика.*

Указъ Св. Прав. Синода отъ 19 марта 1879 года за № 953, *объ открытіи въ Ширингушѣ, Бадиковскомъ приходѣ, Спасскаго уѣзда, вакансіи втораго помощника настоятеля и третьяго псаломщика.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали дѣло по представленію Его Преосвященства объ открытіи въ Ширингушѣ Бадиковскомъ приходѣ, Спасскаго уѣзда, вакансіи втораго помощника настоятеля и третьяго псаломщика. И по справкѣ П р и к а з а л и: согласно изложенному представленію, Его Преосвященства, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: *Открыть въ Ширингушѣ Бадиковскомъ приходѣ, Спасскаго уѣзда, вакансіи втораго помощника настоятеля и третьяго псаломщика, для вновь построенной въ деревнѣ Старомъ Бадиковъ церкви.*

За смертію исключены изъ формулярнаго списка.

Священникъ села Берестенокъ, Елатом. уѣзда, *Андрей Глазуновъ* 60 л., окончилъ курсъ Семинаріи въ 1845 году по 2 разр., съ 24 февраля 1845 года священникомъ, былъ наставникомъ сельскаго училища одинъ годъ и три мѣсяца, обратился изъ раскола въ православіе 5 человѣкъ; имѣлъ набедренникъ; въ семействѣ оставилъ: жену 40 л. и дѣтей 28, 26, 24, 22, 19 и 16.

Священникъ села Карай Пущина, Кирсан. уѣзда, *Григорій Кореанскій* 30 л., окончилъ курсъ семинаріи въ 1872 году по 2 разр., съ 5 октября 1872 по 2 мая 1876 г. пса-

ломщикомъ, съ 2 мая 1876 г. священникомъ; въ семействѣ оставилъ жену 20 л. и дѣтей 3 и 1 г.

Сверхштатный исправ. должн. псаломщика причетникъ села Пичаева, Моршанскаго уѣзда, *Петръ Слѣпушкинъ* 60 л., изъ вышаго отд. училища, съ 1841 года на должности; въ семействѣ оставилъ жену 56 лѣтъ.

Исправ., должн. псаломщика села Березовки, Борисоглѣбскаго уѣзда, *Василій Малининъ* 37 л., изъ вышаго отд. училища, съ 15 марта 1859 года на должности, двоеженецъ; въ семействѣ оставилъ жену 29 л. и дѣтей 15, 7 и 5 л.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

19 мая—на канувѣ праздника Пятидесятницы, Его Преосвященство совершилъ всеобщное бдѣніе въ Казанскомъ монастырѣ. Служащими были: Архимандритъ Шацкой Вышенской пустыни Аркадій, Протоіерей: Г. В. Хитровъ, Ключарь П. В. Аквилоновъ, Игумень Тихонъ, Іеромонахи—казначей Герасимъ и Θεодосій.

20 мая праздниѣ Пятидесятницы,—по случаю полученія указа Св. Синода о рожденіи Великаго Князя АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА, Его Преосвященство совершилъ предъ литургіей благодарственное съ колѣнопреклоненіемъ Господу Богу молебствіе, Литургію и Вечерню въ Каѳедральномъ соборѣ, гдѣ въ этотъ день по росписанію, пребывала и чудотворная Вышенская икона. Служащими были: Архимандритъ Аркадій и Протоіерей: Каѳедральный В. М. Щегловъ, Г. В. Хитровъ, А. В. Тиховраховъ, Ключарь П. В. Аквилоновъ и В. Ил. Малиловскій. За литургію рукоположены—во священника діаконъ Стефанъ Кобяковъ и въ діакона исправлявшій должность псаломщика въ Покровской церкви г. Тамбова, Ив. Олерскій, опредѣленный на должность Иподіакона въ Каѳедральный соборъ, за перемѣщеніемъ бывшаго въ сей должности

діакона Іоанна Вышенскаго во псаломщика къ Архидіаконо-
Стефановской церкви г. Тамбова.

21 мая — по случаю престольнаго праздника Его Преосвященство совершил Божественную литургію и молебствіе въ Троицкой церкви въ сослуженіи Архимандритовъ — Ректора Семинаріи Дмитрія и Настоятеля Вышенской пустыни Аркадія, Протоіереевъ: Каедральнаго В. М. Щеглова, Ключаря П. В. Аквилонова, Гр. Сем. Смирнова и П. Ил. Преображенскаго. Слово за литургіей произнесъ Протоіерей Гр. С. Смирновъ и рукоположены во священника окончившій курсъ Семинаріи діаконъ села Отхожаго, Борисоглѣбскаго уѣз., Н. Орловъ, опредѣленный въ село Бабино, Тамбовскаго уѣзда, и въ діакона окончившій курсъ Семинаріи въ 1874 г., наставникъ школы села Каменки, Тамбовскаго уѣзда, Иванъ Островскій, опредѣленный во священника къ церкви с. Мануилова, Шацкаго уѣзда.

Съ 23 по 28 мая Его Преосвященство производилъ ревизію церквей г. Козлова и Липецка.

Во время посѣщенія Его Преосвященствомъ г. Липецка въ 24—28 числаъ мая сего 1879 года *).

26 мая. Его Преосвященство совершилъ въ городскомъ Христорождественскомъ соборѣ Божественную литургію, въ сослуженіи: Архимандрита Аркадія, Протоіерей Іоанна Несмѣлова Священниковъ: Іоанна Рождественскаго, Семена Пескова, Іоанна Каменскаго, Александра Остроумова и Михаіла Платонова. За литургіей Его Преосвященствомъ рукоположень въ священника, бывшій учитель Каменской сельской школы, Іоаннъ Островскій, въ с. Мануилово Шацкаго уѣзда. По окончаніи литургіи Его Преосвященствомъ отслужень былъ молебенъ Божіей Матери, съ тѣми же сослужащими и еще двумя священниками.

*) Доставлено въ редакцію Настоятелемъ Вышенской пустыни Архимандритомъ Аркадіемъ, при отпошеніи за № 103

27 мая, въ воскресный день, Его Преосвященство совершилъ Божественную литургію въ Троицкой церкви г. Липецка. Сослужащими ему были: Архимандритъ Аркадій, Протоіереи—Іоаннъ Несмѣловъ и Ксенофонтъ Петропавловскій, священники: Семенъ Песковъ, Іоаннъ Каменскій, Михаилъ Сеславинскій, Андрей Назарьевъ. Послѣдній—Назарьевъ, во время малаго входа, Его Преосвященствомъ награжденъ набедреникомъ. Послѣ литургіи, по предварительномъ прочтеніи Протодіакономъ Высочайшаго Манифеста о совершеннѣтїи Великаго Князя НИКОЛАЯ МИХАИЛОВИЧА, отслуженъ благодарственный Господу Богу молебенъ, въ соучастіи всего градскаго духовенства.

Отъ Правленія Шацкаго духовнаго училища.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ пользу Шацкаго духовнаго училища поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ Вышенской пустыни 150 рублей; 2) отъ студента Казанской духовной академіи Константина Чернышева восемь экземпляровъ книгъ: „О святомъ Евангеліи и святыхъ евангелистахъ“ Каменскаго; 3) отъ учениковъ училища на ученическую бібліотеку 25 руб. 5 коп.; 4) на приобрѣтеніе портрета Государя Наслѣдника Цесаревича АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА для семинаріи въ день ея юбилея: а) отъ благочиннаго Соборнаго протоіерея Гавріила Строгонова 5 р. 30 к., б) отъ благочиннаго 3 Шацкаго округа священника Василя Викторова 12 руб. 30 коп. и с) отъ благочиннаго 4-го Шацкаго округа Іоанна Предтеченскаго 24 рубля.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ редакціи «Церковнаго Вѣстника».

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на Церковный Вѣстникъ и Христіанское Чтеніе.

Цѣна за 51 номеръ „Церковнаго Вѣстника“ съ прибавленіями „Христіанскаго Чтенія“ и съ томомъ „Толкованій на Ветхій Заветъ“ (всего больше 260 печатныхъ листовъ) семь рублей съ пересылкою и доставкою.

Отдѣльно: Еженедѣльное изданіе, съ пересылкою и доставкою—пять рублей; „Христіанское Чтеніе“, съ пересылкою и доставкою—тоже пять рублей.

Выписывающіе получаютъ всѣ номера журнала и прибавленій начиная съ перваго.

Открыта подписка на второе полугодіе—на одинъ „Церковный Вѣстникъ“. Цѣна за 26 номеровъ втораго полугодія три рубля съ пересылкою.

—
За 1875, 1876, 1877 и 1878 годы существуютъ въ запасѣ полные экземпляры «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія».

Выписывающіе оба изданія за три года вмѣстѣ платятъ: за каждое годовое изданіе вмѣсто семи—5 руб. и съ пересылкою; отдѣльно каждое—вмѣсто пяти по 3 руб. съ пересылкою.

Поступила въ продажу новая книга 2-е дополненное издание под редакціей *А. Е. Никольскаго*.

НОВЫЕ ДУХОВНЫЕ ЗАКОНЫ.

Полное руководство для православныхъ священно-церковно-служителей, монашествующихъ, настоятелей монастырей, благочинныхъ, членовъ консисторій, архіереевъ и другихъ начальствующихъ лицъ, съ приложеніемъ подробныхъ узаконеній для церковныхъ старостъ и попечительствъ.

Сост. по св. законовъ новаго изд., Дух. Регламенту и Уст. Дух. Конс. печатанному по опредѣленію Святейшаго Правительствующаго Синода.

Въ трехъ частяхъ. *Часть 1.* Законы для духовныхъ лицъ всѣхъ наименованій; о бракахъ законныхъ и незаконныхъ и расторженіе ихъ; о дѣтяхъ законно и незаконно рожденныхъ. *Часть 2.* Законы для церковныхъ старостъ, попечительствъ и благочинныхъ. *Часть 3.* Указы Св. Синода и распоряженія Епархіальныхъ начальствъ.

М. 1879 г. 420 стр. убор. печати. Ц. 2 р., въ прочномъ коленкоръ переп. 3 р.

Быстрая распродажа перваго изданія, составляя лучшую рекомендацію книги, дала возможность издателю увеличить содержаніе ея всѣми новѣйшими узаконеніями и дополненіями и такимъ образомъ „*Духовные Законы*“ должны сдѣлаться необходимой настольной книгой всего духовенства отъ псаломщика до архипастыря и для лицъ прочихъ сословій, постоянно соприкасающихся съ дѣлами церкви отъ рожденія до смерти.

Прошу Гр. иногород. адресоваться въ контору издателя книгопр. *Алексѣя Дм. Ступина*, въ Москвѣ Никольск. ул., д. Законоосп. монаст.

Пересылку принимаю на свой счетъ и посылаю съ первою почтою. Объявленіе сей книгѣ печатается по резолюціи Его Преосвященства.

СОДЕРЖАНІЕ: Распоряженія правительственныя.—Отъ хозяйственнаго управленія.—Епархіальныя распоряженія и извѣстія.—Епархіальная хроника.—Отъ правленія Шацкого духовнаго училища.—Объявленія.—Въ приложеніи вѣдомости оо. благочинныхъ.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Димитрій*.

Печатать позволяется. Тамбовъ, 4-го іюня 1879 года.

Цензоръ, Протоіерей *Іоаннъ Сладкопѣвцевъ*.

Губернская Земская Типографія, на большой Астраханской улицѣ, д. Земства.

BRITOMETTS

COOPERATION WITH THE BIRMINGHAM UNIVERSITY LABORATORY

General	No.	Description of material	Analysis	Remarks	Date
	1
	2
	3
	4
	5
	6
	7
	8
	9
	10
	11
	12
	13
	14
	15
	16
	17
	18
	19
	20
	21
	22
	23
	24
	25
	26
	27
	28
	29
	30
	31
	32
	33
	34
	35
	36
	37
	38
	39
	40
	41
	42
	43
	44
	45
	46
	47
	48
	49
	50
	51
	52
	53
	54
	55
	56
	57
	58
	59
	60
	61
	62
	63
	64
	65
	66
	67
	68
	69
	70
	71
	72
	73
	74
	75
	76
	77
	78
	79
	80
	81
	82
	83
	84
	85
	86
	87
	88
	89
	90
	91
	92
	93
	94
	95
	96
	97
	98
	99
	100

(*) Name of each specimen found in the laboratory of the Birmingham University Laboratory

НЕОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ

ТАМБОВСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

15-го іюня

№ 12.

1879 года.

Димитрій Ивановичъ Успенскій.

Въ четверть двѣнадцатаго часа ночи на 27 число марта отъ продолжительной, изнурительной чахотки, на 33 году своей жизни, скончался преподаватель философскихъ науки и педагогика въ духовной Семинаріи, физики и педагогика въ женскомъ епархіальномъ училищѣ и учитель географіи въ женской гимназіи Димитрій Ивановичъ Успенскій. Въ лицѣ его Тамбовская Семинарія повесила тяжелую, вознагражденію утрату. Покойникъ былъ образцовый преподаватель, глубокой ученый и симпатичный, добрый человекъ. Жизнь покойника, какъ труженика науки, не богата разнообразіемъ своей внѣшней дѣятельности. Кабинетъ и аудиторія—вотъ вся сфера, въ которой вращался покойникъ. Въ стѣнѣ учебного заведенія онъ мало былъ извѣстенъ. Такова по большей части участь тружениковъ науки; они не ищутъ себѣ громкой извѣстности, мишурной помпы, ихъ слава—въ ихъ же трудахъ,—ихъ награда—въ сердечной признательности благодарныхъ къ нимъ воспитанниковъ.

Преподаватели Семинаріи, сотоварищи по службѣ, въ послѣдніе дни жизни покойнаго съ особеннымъ сочувствіемъ относились къ нему, и перѣдко посѣщали его; но тяжелое впе-

чатлѣвіе выносили они изъ квартиры покойнаго, послѣ каждаго визита своего; здоровье Димитрія Ивановича видимо слабѣло, физическія силы постепенно упали и жизнь его, какъ свѣча, тихо догорала, и тѣмъ грустнѣе, тяжелѣе у каждаго на сердцѣ бывало, что близкій къ смерти Димитрій Ивановичъ, какъ обыкновенно большыя чахоткою, и не сознавалъ опасности своего положенія; онъ думалъ, что лихорадка уложила его въ постель, и отъ этой болѣзни, какъ не опасной, надѣялся онъ скоро вылечиться, и, по окончаніи учебнаго года, отправиться на родину и тамъ возстановить свое здоровье; не разъ съ грустью высказывалъ что нѣтъ средствъ поѣхать куда либо на минеральныя воды, для совѣта съ лучшими врачами; занятый мыслию о поправленіи своего хилаго здоровья, Димитрій Ивановичъ отъ своего скуднаго жалованья откладывалъ на поѣздки и леченіе. Покойнякъ жилъ одинъ на квартирѣ и не было близъ него никого изъ родныхъ, близкихъ къ нему лицъ, которые могли бы въ послѣдніе дни ухаживать за нимъ, нерѣдко вечера и цѣлыя ночи онъ оставался совершенно одинъ и не кому было подать ему лекарства; самъ же больной едва могъ ходить и съ большимъ усиліемъ говорить, но отказывался отъ предлагаемыхъ ему услугъ, старуха была единственною прислугою, ухаживавшею за больнымъ. Не разъ знакомые его (особенно гг. преподаватели) предлагали свои услуги по очередно быть у него и, по возможности, помогать ему въ его безпомощномъ положеніи. Но Димитрій Ивановичъ былъ на столько деликатенъ, что онъ всѣ подобнаго рода предложенія отклонялъ отъ себя. Изъ опасенія, чтобы безнадежно больной, обыкновенно запиравшійся въ своей квартирѣ изнутри не умеръ бы совершенно одинокимъ, безпомощнымъ, Ректоромъ Семинаріи нѣсколько разъ отъ лица его воспитанниковъ (учениковъ IV, V, VI кл.) предлагалось очередное дежурство по вечерамъ и ночамъ, подъ предлогомъ чтенія ему книгъ или газетъ, но больной видѣлъ въ этомъ стѣсненіе воспитанниковъ, отвлеченіе ихъ отъ прямыхъ занятій и т. п. Хотя сами же

воспитанники, изъ любви къ своему глубокоуважаемому преподавателю, готовы были дежурить цѣлыя ночи, особенно по окончаніи учебнаго сезона. Заблаговременно и ректоромъ и преподавателемъ Семинаріи (А. А. Л.) были посланы письма къ роднымъ съ извѣстіемъ о тяжелой безнадежной болѣзни Дмитрія Ивановича, но его родные—то по бѣдности, то по случаю весенняго разлива рѣкъ, то по домашнимъ обстоятельствамъ не могли прибыть въ Тамбовъ къ умирающему. На счастье больного Дмитрія Ивановича въ домъ, гдѣ онъ жилъ, квартировалъ одинъ изъ преподавателей Семинаріи, Алек. А. Левкоевъ и онъ же нравственнымъ долгомъ своимъ считалъ что нѣсколько разъ въ день навѣщать его; съ особенною заботливостію относился къ больному и хозяинъ дома о. Ключарь. Въ виду крайне болѣзненнаго безнадежнаго положенія больному предложено было исповѣдаться и приобщиться св. Таинъ, что было и совершено духовникомъ покойника казначеемъ Казанскаго монастыря, Иеромонахомъ Герасимомъ (24 марта). При кончинѣ Дмитрія Ивановича присутствовали Протоіерей П. В. Аквилоновъ и преподаватель Семинаріи, Александръ А. Левкоевъ, на ихъ рукахъ онъ и скончался.

Тиха, мирна была кончина его. Немедленно дано было знать Ректору Семинаріи о кончинѣ покойника. Вѣсть о смерти Дмитрія Ивановича сообщена была воспитанникамъ и ровно въ полночь Ректоромъ Семинаріи и о. Ключаремъ при участіи воспитанниковъ Семинаріи была отслужена первая панихида по усопшемъ и вслѣдъ за этимъ началось очередное чтеніе воспитанниками надъ покойникомъ псалтири. Рано утромъ (28 марта) Ректоръ рапортомъ донесъ Преосвященному о кончинѣ Дмитрія Ивановича. Преосвященный выразилъ глубокое сожалѣніе о преждевременной смерти покойника и заявилъ о своемъ желаніи совершить и заупокойную литургію и погребеніе. Въ 8-мъ часъ утра Ректоромъ Семинаріи въ сослуженіи Протоіереевъ: П. В. Аквилонова, В. Ил. Малиловскаго, П. Ил. Преображенскаго и Священника М. Г. Нечаева

была совершена панихида; за тѣмъ была совершена Ректоромъ же и преподавателями Семинаріи Протоіереемъ І. М. Сладкопѣвцевымъ и священникомъ Н. М. Лебедевымъ вторая панихида въ 1-мъ часу дня, по окончаніи Преждеосвященной Литургіи. По окончаніи великаго повечерія и воспитанники и преподаватели изъ церкви отправились на квартиру покойника для перенесенія тѣла его въ Семинарскую церковь. Несмотря на сильную грязь и непогоду къ выносу тѣла Дмитрія Ивановича явились, кромѣ воспитанниковъ Семинаріи, и воспитанницы старшаго курса женскаго епархіальнаго училища. Послѣ литіи, совершеной въ квартирѣ Ректоромъ Семинаріи съ Протоіереями—П. В. Аквилоновымъ, І. М. Сладкопѣвцевымъ, Гр. С. Смирновымъ, В. И. Малиловскимъ, П. И. Преображенскимъ, Т. В. Бѣльскимъ, Священниками—І. А. Боголѣповымъ, Н. М. Лебедевымъ, А. І. Говоровымъ и М. В. Нечаевымъ, тѣло покойника, преподавателями Семинаріи перенесено было изъ квартиры въ семинарскую церковь, гдѣ вышеупомянутыми священнослужителями, въ присутствіи воспитанниковъ Семинаріи и воспитанницъ духовнаго училища и многочисленномъ стеченіи народа была совершена панихида. Въ великую среду (28 марта) въ 8 часовъ утра была совершена панихида, по окончаніи которой воспитанникомъ IV класса Александромъ Леонтьевымъ была произнесена рѣчь. Въ 9^{1/2} часовъ утра въ Семинарскую церковь прибылъ Преосвященнѣйшій Памладій, Епископъ Тамбовскій и Шацкій и началось совершеніе литургіи преждеосвященныхъ даровъ сослужащими Его Преосвященству были: Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Дмитрій, Преподаватель Семинаріи Протоіерей Іоаннъ Макс. Сладкопѣвцевъ, Ключарь, Протоіерей Петръ Вас. Аквилоновъ, Преподаватель церковнаго пѣнія въ Семинаріи Протоіерей Гр. Сем. Смирновъ, бывшій преподаватель Семинаріи Протоіерей Петръ Ильичъ Преображенскій; Протоіерей временно квартирующаго въ г. Тамбовѣ 9-го Сибирскаго Гренадерскаго полка Фавъ Васил. Гурьевъ, Протоіерей Тамбовскаго Вознесен-

скаго женскаго монастыря, Петръ Андр. Бѣляковскій, градскій благочинный и членъ семинарскаго правленія отъ духовенства Христорождественскаго собора Священникъ Іоаннъ А. Боголѣповъ, Преподаватель Семинаріи и законоучитель женскаго епархіальнаго училища Священникъ Николай Михайловичъ Лебедевъ, экономя Семинаріи, Священникъ Михаилъ Гавр. Нечаевъ. Не смотря на непогоду и сильную грязь и на то, что о днѣ кончинѣ и погребеніи Дмитрія Ивановича не было повѣстокъ, стеченіе богомольцевъ въ семинарскую церковь было значительное, между которыми значительное большинство принадлежало къ лицамъ учебнаго вѣдомства. Такъ кромѣ наставниковъ Семинаріи при отпѣваніи покойника присутствовали смотрителя 1-го и 2-го Тамбовскихъ духовныхъ училищъ, нѣкоторые преподаватели Реальнаго Училища, классической Гимназіи, Екатерининскаго учительскаго Института, женскаго епархіальнаго училища, народныхъ училищъ. За непогодой не могли присутствовать при отпѣваніи воспитанницы женскаго училища, но онѣ въ знакъ своего глубокаго уваженія къ почившему своему наставнику доставили ко гробу вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ; корпораціею гг. преподавателей на тѣло почившаго были возложены вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ, что можно считать рѣдкостью и по раннему весеннему времени и по не обычности подобнаго явленія. Украшеніе живыми цвѣтами гроба преподавателями Семинаріи едва ли не впервые сдѣлано надъ гробомъ Дмитрія Ивановича. Въ числѣ молившихся объ упокоеніи души усопшаго были нѣкоторые изъ окончившихъ курсъ женской гимназіи, бывшія воспитанницы Дмитрія Ивановича; появленіе ихъ при гробѣ почившаго свидѣтельствуетъ о глубинѣ уваженія къ бывшему своему учителю и служило лучшею аттестаціею преподавательской дѣятельности покойника. Совершеніе литургіи и отпѣваніе тѣла покойнаго Дмитрія Ивановича отличалось особенною торжественностію; пѣли два хора архіерейскій и семинарскій. На литургіи, послѣ пѣвія концерта, Ректоромъ Семинаріи

было произнесено слово, а предъ началомъ отпѣванія—рѣчь воспитанникомъ VI класса Михаиломъ Грибановскимъ. Отпѣваніе тѣла покойника было совершено самимъ Преосвященнымъ, при участіи вышепоименованныхъ священнослужителей, и также Протоіерея В. Ил. Малиловскаго, Священниковъ: Г. М. Углянскаго, І. І. Новосельскаго, Степ. Он. Любомудрова. Послѣ чтенія разрѣшительной молитвы, Преподавателемъ Семинаріи Александромъ Андр. Левкоевымъ произнесена была трогательная рѣчь, приведшая многихъ въ слезы. При выносѣ тѣла покойнаго на площадку въ парадный входъ въ Семинарію была сказана рѣчь воспитанникомъ IV класса Иваномъ Савинскимъ; а за тѣмъ при выносѣ тѣла изъ зданія Семинаріи, воспитанникомъ IV класса Константиномъ Рождественскимъ произнесено было стихотвореніе.

Гробъ покойника изъ церкви и чрезъ весь семинарскій дворъ былъ несенъ преподавателями Семинаріи; при положеніи гроба на погребальный катафалкъ была отслужена краткая заупокойная литія. Похоронный перевозъ въ тысячный колоколь Казанскаго монастыря разносилъ по всему городу вѣсть о покойникѣ. Не смотря на сильную грязь по улицамъ, на мятель и рѣзкій вѣтеръ, тѣло покойника и преподавателями и воспитанниками было сопровождено до самаго кладбища. На пути—предъ Казанскимъ монастыремъ, предъ зданіемъ женской гимназіи (гдѣ учительствовалъ покойникъ), въ виду церкви 2-го Тамбовскаго дух. училища, предъ Архидіаконо-Стефановской церковію, Христорождественскимъ градскимъ собора и кладбищ. Успенскою церковію были совершены краткія литіи. На кладбищѣ, предъ опусканіемъ гроба въ могилу была произнесена рѣчь воспитанникомъ IV класса Павломъ Базилевымъ (ревностнымъ сотрудникомъ почившаго по воскресной школѣ). Печальная церемонія погребенія Дмитрія Ивановича окончилась въ 3¹/₂ часа.

С Л О В О

при погребеніи преподавателя семинаріи, Дмитрія
Ивановича Успенскаго.

Давно мы, сотоварищи покойнаго, съ сердечною болью видѣли, какъ его силы день ото дня слабѣли и жизнь его, какъ свѣча, тихо догорѣла. Мы свыкались съ грустною мыслию о близкой и тяжелой съ нимъ разлукѣ. И смерть его для всего нашего учебнаго заведенія тяжелая, и безъ преувеличенія можно сказать, невознаградимая потеря.

Болезнь покойнаго, обыкновенная болезнь ученыхъ людей, изнурительная чахотка, давно подтачивала его организмъ. Для больнаго нуженъ былъ душевный покой, свобода отъ занятій, но онъ, не могъ быть безъ дѣла. Девизомъ всей его жизни было *трудиться до упадка силъ*.

Да проститъ мнѣ почившій, о Христъ мой собратъ, всегда отличавшійся скромностію, если я для, назиданія бывшихъ его воспитанниковъ, скажу нѣсколько словъ о немъ.

Не буду раскрывать предъ вами, слушатели, тяжелой картины дѣтства покойника. Онъ былъ сынъ *сельскаго дьячка*. Это одно уже говорить, въ какой бѣдной средѣ росъ и прозябалъ покойникъ. Всякій знаетъ нищенское положеніе сельскихъ причетниковъ. Нерѣдко имъ приходится быть и безъ куска насущнаго хлѣба, и безъ теплаго угла, безъ одежды, не говорю приличной, — но соответствующей времени года. Какъ такой отецъ могъ содержать своего сына въ училищѣ, а затѣмъ и въ семинаріи? Если бы покойникъ могъ говорить, то онъ открылъ бы предъ нами хартію своей жизни, въ которой написано только одно *горе и слезы*. Не одна даровитая голова погибла отъ среды гнетущей бѣдности и отъ незаслуженнаго униженія, но покойникъ съ честью началъ и окончилъ длинный періодъ своего образованія: *шестнадцать лѣтъ* онъ провелъ на школьной скамьѣ, въ постоянныхъ, не-

утомимыхъ трудахъ и тогда-то, по всей вѣроятности, надломилась его физическія силы. Съ хилымъ и слабымъ здоровьемъ покойникъ выступилъ въ жизнь,—по въ слабомъ тѣлѣ былъ глубокой умъ, сильное чувство, великая душа. Дѣятельность покойнаго Дмитрія Ивановича отпечатлѣвалась во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательною законченностью и полнотою.

Простой образъ жизни, отчужденіе отъ развлеченій и удовольствій въ пользу своихъ близкихъ родныхъ, представляли въ немъ подвижника, аскета по жизни; искусство само-обладанія, сила воли, непреклонной во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни, образовали въ немъ замѣчательнаго философа; сознательно разумныя философскія убѣжденія, глубокое нравственно-религіозное чувство представляли въ немъ истиннаго философа *христiанина*. Вслѣдствіе чего каждое слово покойника, какъ преподавателя и частнаго лица отличалось полновѣсностію, заключало въ себѣ здравую мысль и было выраженіемъ его философскаго взгляда; каждое дѣйствіе его запечатлѣно было разумностію и цѣлесообразностію; думается, что едва ли кто отъ него слышалъ праздное слово, или обидное для себя замѣчаніе.

На долю покойнаго выпало преподавать труднѣйшія изъ наукъ не только семинарскаго курса, но и общечеловѣческаго вѣдѣнія *психологію* (т. е. науку познанія челоуѣкомъ самаго себя) и обзоръ философскихъ ученій (т. е. депо всевозможныхъ умствованій умныхъ людей, мудрецовъ древняго и новаго міра, о первой причинѣ всего сущаго, о началѣ міра, цѣли бытія челоуѣчества, его назначеніи и т. п.).

Не всякій и изъ образованныхъ способенъ усвоить основательно эти науки. Не покойникъ не только основательно, глубоко изучилъ преподаваемые имъ науки, но и умѣлъ прекрасно передать свои познанія своимъ слушателямъ и трудная наука для нихъ, подъ его руководствомъ, казалась легкою и пріятною.

Серьезный, сосредоточенный въ себѣ, большею частію

молчаливый въ обществѣ, онъ въ классѣ, при чтеніи лекціи, входилъ въ предметъ своей науки, воодушевлялся и рѣчь его живымъ потокомъ текла изъ его устъ и глубоко западала въ сердце слушателей; воспитанники съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его лекціею: боялись пропустить хотя одно слово. Уроки, преподанные покойникомъ, переносили они въ свои убѣжденія, въ свою жизнь. За то какъ они уважали этого своего наставника. Въ трудныя минуты своей семинарской жизни, во дни своихъ школьныхъ невзгодъ, при поступленіи на службу, они обращались къ нему за совѣтами.

Въ послѣдніе предъ болѣзнію покойника классы его выше слушатели въ началѣ курса замѣчали, что не долго придется слушать прекрасныя уроки своего любимаго учителя. Оживленная рѣчь его нерѣдко прерывалась сильнымъ, удушасимъ кашлемъ, но онъ не жалѣлъ себя и вмѣсто отдыха усиливалъ свои занятія, чтобы ко времени пройти весь курсъ наукъ, имъ читаемыхъ здѣсь. Не прекращалъ своихъ лекцій и тогда, когда голосъ уже сдѣлался слабъ, такъ что съ трудомъ было слушать его рѣчь. Воспитанники садились близъ него и съ удвоеннымъ напряженіемъ слѣдили за послѣдними лекціями своего дорогаго учителя, но это уже была послѣдняя *лебединная* рѣчь его. Злая чахотка уложила его въ постель; но и здѣсь всѣ думы его были направлены къ наукѣ. Ученость не изсушила его сердца, какъ это обыкновенно въ мірѣ случается видѣть, — что умъ развивается въ ущербъ сердцу. Ученый часто бываетъ холоднымъ, черствымъ въ отношеніи къ своимъ самымъ близкимъ роднымъ; въ гордомъ самообольщеніи своими, иногда воображаемыми достоинствами, они съ пренебреженіемъ относятся къ другимъ, сознавая свое превосходство. Не таковъ былъ покойникъ; онъ былъ любящимъ сыномъ, преданнымъ другомъ своихъ родныхъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ, можетъ быть, единственнымъ благодѣтелемъ. Вѣднымъ своимъ роднымъ, онъ удѣлялъ большую часть своего жадованья. Во время своей предсмертной болѣзни, требовав-

шей излишнихъ расходовъ, онъ, получивъ вѣсть о тяжелой болѣзни своего отца, рѣшается на рѣдкій подвигъ самоотверженія и оставляя себя больнаго почти безъ средствъ, отправляетъ больному отцу почти все мѣсячное свое жалованье. Не любилъ покойникъ говорить о своихъ добрыхъ дѣлахъ, — о пособіяхъ, оказываемыхъ имъ своимъ роднымъ, но и изъ отрывочныхъ его рѣчей, на сколько то можно было узнать, ни одна поѣздка на родину не обходилась безъ помощи для его родныхъ. Въ прошломъ году лѣтомъ—онъ на свои средства выдалъ за мужъ свою племянницу и въ предполагавшуюся поѣздку этимъ лѣтомъ онъ думалъ объ устройствѣ судьбы другой своей близкой родственницы.

Философія, какъ нынѣ нѣкоторые говорятъ, не въ ладу съ *богословіемъ*. Въ обыденномъ разговорѣ если кого называютъ *философомъ*, то этимъ иногда хотятъ выразить ту мысль, что онъ въ дѣлѣ вѣры либералъ, что у него свои религіозно-философскія убѣжденія. Но нашъ покойный философъ былъ въ тоже время истинный христіанинъ. Изученіе философ. ученій всѣхъ древнихъ и новыхъ временъ для него было средствомъ еще болѣе закрѣпить въ сердцѣ своемъ вѣру въ Бога, философія приводила его къ разумному, сознательному богопознанію и богопочтенію. Въ немъ обиталъ духъ древнихъ истинныхъ философовъ, подобныхъ Іустину философу, Клименту и др.; въ немъ видѣли истиннаго философа и истиннаго христіанина. Не буду раскрывать предъ вами прекрасныхъ, нравственныхъ качествъ покойнаго; о немъ безъ преувеличенія можно сказать, что это былъ образецъ скромности, неподкупной честности, неутомимаго труда, глубокаго религіознаго чувства. Никогда не забуду съ какимъ благоговѣйнымъ умиленіемъ онъ приступилъ къ принятію св. Тайнъ. Это одно уже свидѣтельствуешь о томъ, что онъ былъ и глубокой мыслитель и искренно вѣрующій христіанинъ. Предъ смертію, когда окружавшіе его, въ виду упадка его здоровья, совѣтовали принять св. Тайны, онъ высказывалъ желаніе во время страст-

ной недѣли поговѣть (т. е. ходить въ церковь къ богослуженію). И только опасеніе, чтобы весенняя погода болѣе еще не разстроила его здоровья, расположило принять св. Тайны на дому, въ своей квартирѣ.

Дорогъ былъ покойный не для однихъ воспитанниковъ, но и для его сослуживцевъ. Но объ этомъ предоставляю слово его сотоварищу по профессіи.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о немъ, какъ моемъ ближайшемъ согрудникѣ—по учебно-воспитательной части въ этомъ заведеніи. Дмитрій Ивановичъ, со времени своего поступленія въ эту семинарію, состоялъ членомъ педагогическаго правленія, — нѣсколько лѣтъ былъ и членомъ семинарскаго правленія по хозяйственной части и въ томъ и другомъ онъ отличался примѣрною аккуратностію; не въ его характерѣ, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, уклоняться отъ участія въ нашихъ частыхъ и нерѣдко тяжелыхъ собраніяхъ; никогда не забудутся его безпристрастныя сужденія въ самыхъ щекотливыхъ, иной разъ, дѣлахъ; онъ не былъ человѣкомъ партій; не въ его натурѣ было подлаживаться къ кому либо; гдѣ правда, тамъ и его голосъ, а потому за нимъ нерѣдко въ недоумѣнныхъ случаяхъ, какъ бы чутьемъ, слѣдовали и другіе; особенно дороги были его сужденія о возможно-лучшей постановкѣ учебно-воспитательной части въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, вслѣдствіе чего ему поручалось производство ревизій въ училищахъ, гдѣ онъ былъ не безсердечнымъ изслѣдователемъ слабыхъ сторонъ извѣтнаго заведенія, а разумнымъ руководителемъ неовытныхъ, наставникомъ самихъ учителей.

Почившій о Господѣ нашъ собратъ подвигомъ добрымъ *подвизался на землѣ*, своею неутомимою, самоотверженною дѣятельностію онъ воздвигъ въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ нерукотворный памятникъ. Помолимся же о немъ Господу, да вселится духъ его въ селеніяхъ праведныхъ. Аминь.

РѢЧИ

произнесенныя при гробѣ Преподавателя Тамбовской духовной Семинаріи, Дмитрія Ивановича Успенскаго.

I.

Мм. Гг.

Въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ, смерть поражаетъ нашу среду съ жестокою неутомимостью. Нѣтъ трехъ лѣтъ, какъ мы совершали печальный обрядъ надъ товарищемъ, скончавшемся почти въ тоже время ¹⁾ и въ томъ же мѣстѣ. Прошелъ годъ и всѣхъ насъ поразила вѣсть о смерти другаго товарища, ²⁾ который, подобно метеору, появился въ средѣ нашей съ цвѣтущимъ здоровьемъ, но который, также быстро, какъ метеоръ, угасъ, не оставивъ и слѣда къ могилѣ своей, угасъ совершенно одинокій, вдали отъ родныхъ и знакомыхъ. Еще минулъ годъ, и предъ нами новая жертва неумолимой смерти...

Исполняя послѣднюю, печальную обязанность предъ дорогимъ товарищемъ, я немного могу сказать вамъ о жизни его; но и это не многое наводитъ больше на думы о нуждѣ, терпѣніи и трудѣ, чѣмъ объ отраднѣхъ впечатлѣніяхъ жизни. Сынъ причетника, почти съ дѣтства лишенный нѣжныхъ ласкъ матери, онъ рано долженъ былъ разстаться съ ласкающими впечатлѣніями другой безстрастной, но обаятельной матери—природы: 9 лѣтъ онъ вступилъ въ школу. Насталъ шестнадцатилѣтній непрерывный трудъ ученія. Можете представить, чего стоили ему эти шестнадцать лѣтъ при сред-

¹⁾ Преподаватель Исторіи Василій Герас. *Кирилловскій* скончался 17 апрѣля 1876 г., въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ и Дмитрій Иван. Успенскій.

²⁾ Преподаватель Греческаго языка Николай Нестер. *Тепловъ*, скончался въ іюнь 1876 года близъ г. Вирска на пути къ г. Златоустову Оренбургской губерніи, къ брату своему доктору П. Н. Теплову; гдѣ покойникъ былъ былъ погребенъ, не извѣстно.

ствахъ отца причетника. Но трудъ не пропалъ даромъ: за эти шестнадцать лѣтъ созрѣлъ и выработался честный дѣятель для общества. И вышелъ этотъ дѣятель на дѣло свое съ глубокимъ убѣжденіемъ трудиться честно, — сѣять только доброе сѣмя на нивѣ своей. Мы свидѣтели, какъ вѣрно онъ исполнилъ долгъ свой.

Семь лѣтъ назадъ, нашъ уважаемый товарищъ явился къ намъ не со скамьи и не новичкомъ, а опытнымъ знатокомъ своего дѣла. Его слово, проникнутое искреннимъ убѣжденіемъ глубоко ложилось на души юныхъ слушателей и скоро приобрѣло полное довѣріе слушателей, его прямота и правдивость характера заслужили общее уваженіе товарищей. Кажется, указанныхъ условій было достаточно для жизни полезной и благотворной, — оставалось только жить и трудиться, но, увы, шестнадцатилѣтній трудъ ученія, развившій нравственныя его силы, не такъ отозвался на физическомъ здоровьи нашего достойнаго товарища; послѣдующіе труды учительства съ каждымъ годомъ еще болѣе ослабляли разстроенное здоровье. И такъ незамѣтно и неустранимо овладѣла имъ жестокая болѣзнь.

Уже пять мѣсяцевъ назадъ, при явно — открывшихся припадкахъ болѣзни, каждый изъ насъ видѣлъ опасность положенія, каждый сознавалъ, что для поддержанія надломленной жизни нужна полная свобода отъ всѣхъ занятій. Но какъ было сказать ему это? Гдѣ было взять средства къ жизни помимо занятій и труда? И ни у одного изъ насъ не хватило мужества раскрыть почившему истину его положенія, каждому пришлось хоронить свои опасенія въ глубинѣ сердца и въ нѣмомъ страхѣ ожидать конца жизненной драмы. А онъ, неудержанный никѣмъ, продолжалъ ходить и трудиться, напрягая послѣднія силы до совершеннаго изнеможенія... Какая-то гнетущая, безысходная скорбь поднималась на сердцѣ при видѣ этого блѣднаго, изнуреннаго человѣка, медленно, но всегда во время идущаго на свои занятія?! Да,

эти послѣдніе шаги все скорѣе и скорѣе приближали его къ могилѣ его.

При послѣднихъ приступахъ смертельной болѣзни, ни кто не могъ побѣдить тяжелыхъ ощущеній; но онъ желалъ жить и трудиться. “Много, сказалъ онъ одному, посѣтившему его, я нынѣшній годъ опустилъ уроковъ; но что дѣлать, болѣзнь доѣла меня. Вотъ поправлюсь, тогда опять, какъ слѣдуетъ, .. Прошло три недѣли — и, увы, слова и предположенія его сдѣлались чистою мечтою, смерть похитила его отъ насъ и уложила въ этотъ гробъ.

Оставляя въ сторонѣ достоинства преподавателя, теперь обратимъ наши мысли на качества сердца нашего достойнаго товарища. Одинокая трудовая жизнь незамѣтно, но неизгладимо кладетъ на каждаго человѣка печать сдержанности и молчаливости; лицамъ, мало знающимъ почившаго, эти черты могли казаться холодностью и недоступностью; но тѣ, кто жилъ съ нимъ въ дружбѣ, знаютъ его за лучшаго друга, примѣрнаго сына и попечительнаго родственника. Вы уже слышали съ какою беззавѣтностію онъ дѣлился своими сбереженіями съ бѣдными родственниками, а жившіе съ почившими близко знаютъ и скажутъ, съ какою веселою любовью онъ рисовалъ всегда въ своихъ воспоминаніяхъ отца: видимо этотъ образъ семидесятилѣтняго труженика старца былъ особенно дорогъ и близокъ сердцу его ¹⁾...

Большая потеря, собравшая насъ около этого гроба, долго не будетъ вознаграждена. Мы провожаемъ въ могилу не только лучшаго дѣятеля изъ среды нашей; мы лишаемся человѣка, который съ свѣтлымъ умомъ соединялъ сочувствующее сердце.

Прощай, мой дорогой Димитрій Ивановичъ, прощай!

Преподаватель Семинаріи *Александръ Лесковъ*.

¹⁾ Отецъ Димитрія Ивановича, говорятъ, скончался 4 апрѣля этаго же (1879 г.) года.

II.

Предъ нами гробъ незабвеннаго наставника! Тяжелые дни покаянія и воспоминанія о преданномъ и поруганномъ Христѣ еще отягчились скорбью о смерти человѣка, пожертвовавшаго своею жизнью ради нашего блага. Велико наше горе! Но не слѣдуетъ предаваться ему бесплодно, хотя и это свидѣтельствуешь о нашихъ добрыхъ чувствахъ къ покойному. Совѣсть и долгъ христіанскій повелѣваютъ намъ возвыситься надъ этой скорбью, поразмыслить о ней, извлечь изъ нея нравственный урокъ, приобрѣсть то душевное спокойствіе, которое единственно прилично христіанину, всецѣло преданному волѣ Божіей. Въ настоящемъ случаѣ личность покойнаго даетъ каждому изъ насъ богатый матеріалъ для размышленій. Воскресите въ своей памяти эту личность и вы увидите, что она была олицетвореніемъ спокойнаго, сознательнаго, усидчиваго труда; вся жизнь покойнаго—осуществленіе его твердыхъ религіозно—философскихъ убѣжденій, смерть его великая жертва ради точнаго исполненія своего долга. Изучая и преподавая философію, онъ былъ истиннымъ философомъ и въ своей жизни, стараясь въ ней осуществить великія философскія начала и правила.

Но, преданный философіи, онъ понималъ въ то же время, что она одна, какъ основанная на началахъ ограниченнаго человѣческаго разума, не можетъ имѣть достаточно убѣдительности и силы, чтобы стать твердой руководительницей всей жизни; онъ тщательно изучалъ и начала христіанской, богооткровенной нравственности и только при свѣтѣ ихъ выработалъ свои религіозно—философскія убѣжденія, осуществленію которыхъ посвятилъ свою жизнь. Такимъ образомъ онъ преодолевалъ трудную и даже неспособную для многихъ работу примиренія здравой философіи съ христіанствомъ. Достигну примиренія и поставивши девизомъ своей жизни великую идею долга, онъ самоотверженно

пошелъ по пути, на который указывала ему его совѣсть. Его наставническая дѣятельность — лучшее доказательство его твердости характера, непоколебимости убѣжденій и самоотверженія. Это признаетъ каждый изъ насъ. Развѣ это одно не свидѣтельствуетъ уже о величія его внутренней жизни? — ибо что вызываетъ уваженіе даже противъ воли, что исторгаетъ удивленіе даже у людей нерасположенныхъ, то, значитъ, само въ себѣ достойно уваженія и удивленія... Такая ли личность, такая ли жизнь, не могутъ, не должны, служить для насъ нравственнымъ образомъ, особенно въ наше время, когда вездѣ мы видимъ, что не твердыя религіозно—философскія начала, несознаніе долга управляютъ жизнью людей, а измѣнчивыя влеченія безпокойнаго сердца, поверхностныя гипотезы и утопіи. Такой-ли дѣлостный характеръ не предметъ для удивленія и подражанія въ наше безхарактерное время? Такой ли самоотверженный трудъ не укоръ нашему времени всеобщей погони за легкой наживой и пренебреженія своими прямыми обязанностями? Однимъ словомъ, чѣмъ ни болѣе мы будемъ всматриваться въ личность покойнаго, тѣмъ болѣе будемъ находить въ ней достойнаго для подражанія, тѣмъ яснѣе мы увидимъ, что подъ обыкновенной оболочкой, среди незначительнаго круга дѣятельности таилось много недюжиннаго и великаго. Мы не можемъ еще теперь вполнѣ оцѣнить покойнаго. Его строгія требованія исполненія своихъ обязанностей, его точность и правдивость, не потворствовавшія нашей лѣни, нерадивости и тщеславію, возбуждавшія въ насъ иногда чувство неудовольствія, казались намъ черезчуръ строгими — Но совѣсть каждаго изъ насъ говорила, что вся вина на нашей сторонѣ и не смотря ни на что, мы всѣ все таки чувствовали глубокое уваженіе къ его личности. Чѣмъ безпристрастнѣе мы начнемъ смотрѣть на самихъ себя, тѣмъ болѣе будетъ влущать уваженія и любви покойный наставникъ; чѣмъ серьезнѣй будетъ вырабатываться нашъ взглядъ на жизнь, тѣмъ сиднѣе

будетъ чувствоваться необходимость подражать ему въ нашей жизни. Наша судьба, товарищи, похожа на судьбу покойнаго; наше будущее быть или учителями или пастырями церкви; въ томъ и въ другомъ случаѣ потребуется много труда, характера, самоотверженія, чтобъ исполнить свой долгъ. Настоящее время время, борьбы, борьбы часто неровной и непосильной и, притомъ же, борьбы, не имѣющей ни блеска, ни шума, ни славы, борьбы тихой, незамѣтной, во имя только христіанскаго долга, борьбы за тѣ идеи, которыя заклеены названіемъ отсталыхъ. Мало того, что намъ придется бороться за это съ другими, мы должны будемъ бороться и съ самими собой, съ своими сомнѣніями, съ ложными мыслями, носящимися нынѣ въ воздухѣ, съ мелкимъ самолюбіемъ, съ жаждой новизны, съ предубѣжденіемъ къ старому, во имя только его старости и наконецъ съ лѣнью. Жизнь приведетъ къ борьбѣ; совѣсть, долгъ потребуютъ ея; — а гдѣ же силы для этого? Не разъ придется изнемогать въ борьбѣ, не разъ придетъ на мысль уступить напору времени, бросить непосильную борьбу и отдаться хаотическому водовороту современной жизни... и вотъ въ такія минуты возстанетъ въ нашей душѣ образъ бывшаго наставника, ободритъ, придастъ силы и энергіи, водворитъ въ душѣ спокойствіе и рѣшимость твердо идти по пути самоотверженнаго долга. Вотъ только въ такія минуты жизненной борьбы мы вполнѣ узнаемъ дѣйствительную цѣну этого незабвеннаго наставника. Дай же Богъ, чтобы духъ его жилъ въ насъ и поддерживалъ насъ въ трудныя минуты жизни! Дай Богъ, чтобы жизнь его подвигла и насъ на трудовую самоотверженную жизнь и самая смерть его была бы только переходомъ въ лучшую жизнь, откуда онъ будетъ помогать намъ и гдѣ, мы надѣемся, онъ получитъ достойную себѣ награду отъ Бога.

Михаилъ Грибановскій (VI кл.).

III.

Итакъ, не прошло еще и трехъ недѣль послѣ того, какъ мы лишились своего товарища ¹⁾, еще не зажили совсѣмъ отъ первой потери раны нашего сердца, какъ насъ постигаетъ еще болѣе тяжелая утрата: мы лишаемся того любимаго и уважаемаго всѣми преподавателя, который составлялъ честь и украшеніе нашей семинаріи и былъ человѣкомъ, имѣвшимъ своимъ девизомъ въ жизни слова: «трудъ и наука!»

Начиная со времени свсего образованія въ семинаріи и кончая Академіей, нашъ опочившій наставникъ все время пробивалъ себѣ дорогу трудомъ; будучи въ должности преподавателя нашей семинаріи, онъ не переставалъ трудиться и трудиться серьезно!... Съ какимъ-то благоговѣніемъ каждый изъ насъ смотрѣлъ на его исхудалую фигуру и блѣдное лицо съ сверкающими глазами, которые какъ будто говорили, что этотъ человѣкъ служителъ долга, трудится для честнаго исполненія своей обязанности, съ цѣлію принести пользу молодымъ своимъ слушателямъ. И, на самомъ дѣлѣ, едва ли кто изъ насъ скажетъ, что покойный Дмитрій Ивановичъ только на половину исполнялъ свою обязанность! Каждому изъ насъ извѣстно, что на лекціи онъ продолжалъ ходить до тѣхъ поръ, пока не слегъ окончательно; даже и тогда, когда ему нельзя было выходить уже изъ дому, онъ порывался идти въ воскресную школу; даже на смертномъ одрѣ онъ продолжалъ интересоваться тѣми вопросами, которые всего болѣе были близки къ его сердцу. Навсегда будутъ памятны намъ слова, сказанныя покойнымъ одному изъ нашихъ товарищей, слова, въ которыхъ онъ высказывалъ сожалѣніе о безотрадномъ положеніи современной педагогики въ Россіи. «Педагогика, говорилъ Дмитрій Ивановичъ, такой важный предметъ, отъ котораго зависитъ все счастье молодой Россіи,—а у насъ о ней такъ мало заботятся!»....

¹⁾ Воспитаникъ IV класса А. Пѣвницкій умеръ 5 марта,

Думаешь ли теперь ты объ этомъ, нашъ дорогой наставникъ? Составляютъ ли по прежнему предметъ твоихъ мыслей эти, полные для тебя животрепещущаго интереса, вопросы? Нѣтъ отвѣчаетъ за него тяжелая, роковая дѣйствительность: вѣдь предъ нами лежитъ его безжизненный трущъ, вѣдь предъ нами лежитъ онъ, нашъ дорогой наставникъ, безъ всякихъ признаковъ жизни... Нѣтъ! читаемъ мы на его безжизненномъ лицѣ: мнѣ уже не придется болѣе дѣлиться съ вами тѣми званіями, которыя постояннымъ и усидчивымъ трудомъ собиралъ я въ надеждѣ привести вамъ свою посильную пользу; нѣтъ! *я отжилъ свой вѣкъ* ... Отжилъ! какія тяжелыя и грустныя слова! Давно ли было то время, когда покойный увлекалъ насъ своими лекціями, полными простоты и изящества?! Давно ли это безжизненное лицо такъ оживлялось и горѣло воодушевленіемъ, когда Дмитрій Ивановичъ трактовалъ намъ о томъ, что долгъ долженъ служить принципомъ практической дѣятельности человѣка?! И тогда намъ понятно было твое воодушевленіе: этотъ вопросъ былъ близокъ къ твоему сердцу, потому что ты самъ, нашъ дорогой наставникъ, можно сказать, былъ олицетворенная идея долга, долга, честнымъ исполненіемъ котораго ты и нажилъ себѣ эту страшную болѣзнь—чахотку.

Съ тоскою и трепещущимъ сердцемъ смотрѣли мы на тебя, когда ты говорилъ намъ по психологій лекцію о свободѣ души человѣческой; види твое страшно исхудалое лицо и слыша на этотъ разъ въ особенности усилившіеся съ тобою припадки кашля, мы думали: «нѣтъ, не жалецъ нашъ Дмитрій Ивановичъ на этомъ свѣтѣ!» И, дѣйствительно, эта твоя лекція была для насъ послѣднею пѣснью умирающаго лебедя. Послѣ этого намъ не пришлось болѣе слышать изъ твоихъ устъ рѣчей, такъ дышавшихъ умомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ простотою, и силою убѣдительности. Послѣ этого ты сталъ угасать по немногу, не смотря на старанія врачей, и наконецъ оставилъ насъ осиротѣлыми, переселившись въ ту горнюю обитель, гдѣ нѣтъ ни труда, ни болѣзни; оставилъ насъ сожалѣть о тебѣ: дождемся ли мы такого преподавателя, кото-

рый бы съ честію и достоинствомъ могъ замѣнить намъ тебя, который съ такимъ же педагогическимъ тактомъ, какъ ты, могъ повести съ нами занятія?...

Но во время твоей жизни среди насъ, мы знаемъ, ты былъ врагъ всякой эффектности, любилъ исключительно во всемъ одну только простоту; это мы знаемъ изъ твоихъ поступковъ въ отношеніи къ намъ, твоимъ питомцамъ, и твоимъ товарищамъ. Думается намъ, что и ва этотъ разъ, если бы только ты имѣлъ возможность говорить съ нами, мы услышали бы отъ тебя: «къ чему вся эта торжественная обстановка эта эффектность? Къ чему всё эти рѣчи?..» Но, дорогой нашъ наставникъ, что же дѣлать, если ты по своей дѣятельности заслуживаешь этого? Чѣмъ же другимъ выразить намъ свое расположеніе и любовь къ тебѣ? «*Молитесь лучше обо мнѣ*», услышали бы мы еще отъ тебя. Въ такомъ случаѣ повѣрь, нашъ дорогой наставникъ, что всё твои соотарищи и питомцы пришли сюда съ цѣлію помолиться о успокоеніи души твоей въ селеніяхъ праведныхъ.

Итакъ лучшимъ изъявленіемъ нашего расположенія и любви къ опочившему будетъ служить молитва о успокоеніи души его. Помолимся же Жизнеподателю всѣхъ, да дастъ Онъ вѣчныя и вѣдѣныя награды тамъ, въ загробной жизни, опочившему наставнику за его честную, труженическую жизнь!

Воспитанникъ IV класса *Александръ Леонтьевъ*.

IV.

Видимый нами здѣсь гробъ сильнымъ невыразимымъ страхомъ наполняетъ трепещущую нашу душу, въ немъ тѣло любимого нами и дорогаго наставника; предъ нами бездыханнымъ лежитъ, достойный искренней, глубокой любви нашъ учитель. Давно ли мы еще веселые, ничѣмъ не озабоченные собирались въ классъ, съ ветераніемъ ожидая, тогда еще носившаго насъ, эстаго учителя. И лишь его серьезная, съ признаками

большаго ума фигура появлялась въ классныхъ дверяхъ, какъ мертвая ни чѣмъ не возмутимая тишина водворялась между нами, и мы нетерпѣливо слѣдили за каждымъ его движеніемъ, дожидая лекціи, — этой пасущей пищи для души. нашей Вотъ дался, хотя и слабый, но очень выразительный голосъ... сильнѣе и сильнѣе... все больше и больше въ немъ чувства воодушевленія. А мы — одинъ слухъ, для чувствъ другихъ бдто и не живемъ. Мы воодушевляемся вмѣстѣ съ нимъ, его слова дѣлаются нашими, ни одно изъ нихъ не ускользаетъ изъ нашего вниманія. Мы мысленно переносимся къ древнимъ, среднимъ вѣкамъ и здѣсь его словами и вмѣстѣ съ нимъ разбираемъ и разбираемъ плодъ ума древности. Но вотъ и классъ конченъ... Недовольство, какое то чувство неудовлетворенности наполняетъ наши сердца. Зачѣмъ бы прерывать такіа пріятныя минуты, зачѣмъ бы лишать удовольствія, непреодолимага желанія побыть съ нимъ лишнюю минуту, зачѣмъ мѣшать воспринимать душѣ благоую пищу?! Но мысль объ урокъ на слѣдующій день утѣщала насъ и мы снова съ прежнимъ, если только не сильнѣйшимъ, ожиданіемъ. Но мы упустили изъ вида, что каждое его слово, каждое усиліе, напряженіе тѣла были не безвредны для него, прибавляли частичку своей раны къ общей, неизлѣчимой ранѣ организма. Насталъ и слѣдующій день, — его классъ, а онъ гдѣ?.. Его нѣтъ; другой, третій — опять нѣтъ, и такъ прошли два мѣсяца, а онъ все не появлялся между нами. Съ изумленіемъ тогда смотрѣли другъ на друга, желая какъ бы во взорахъ прочесть таящуюся во глубинѣ души мысль для разъясненія этаго никогда не бывалаго въ наше время случая ¹⁾. Съ прискорбіемъ и какою то педовѣрчивостью выслушивали мы о состояніи его здоровья отъ другихъ и всегда старались, въ утѣшеніе себя, перетолковать, ослабить его болѣзнь, и опять переносились мысленно къ тѣмъ пріятнымъ минутамъ, которыа испытасемъ въ будущемъ при восстановленіи его силъ... Но, товарищи, мы ждали встрѣтит-

¹⁾ За семь мѣтъ Димитрій Ивановичъ опустылъ только два урока.

ся съ нимъ въ классѣ, а онъ явился здѣсь, среди храма; мы ждали дорогихъ для насъ лекцій, а онъ во гробѣ съ печатью недвижимости, мертвенности. Ужасная минута — минута нашего прощанія съ дорогимъ, и незабвеннымъ наставникомъ!.. Сильная горечь камнемъ гнететъ сердце отъ мысли, что никогда не будемъ слышать его рѣчей. Товарищи! вотъ бездыханное тѣло его лежитъ съ часу на часъ готовое скрыться въ землѣ отъ нашего взора; смотрите жь, смотрите пристальнѣй въ послѣдній разъ, пусть оно сильнѣе напечатлѣется въ нашей памяти, чтобы впослѣдствіи яснѣе представить себѣ дорогаго учителя, слова котораго были для насъ закономъ. Но что я говорю?! Его ликъ, его живая фигура на столько ужь прочно вкоренились въ нашей душѣ, что время, изглаживая и сильнѣйшія впечатлѣнія, можетъ только развѣ нѣсколько ослабить, но не уничтожить совсѣмъ его изъ памяти. Постараемся, мы поддержать память о немъ, вознося пламенная, искреннія молитвы ко Всевышнему за тѣ труды, перенесенные имъ для пользы насъ — его питомцевъ, на которые онъ тратилъ свои послѣднія силы и за то ученіе, вторымъ съ любовью отца озарялъ ваши души.

Иванъ Саввинскій.

V.

Немного времени остается намъ намъ видѣть тебя, добрый и честный нашъ наставникъ. Черезъ нѣсколько минутъ твое бездыханное тѣло будетъ скрыто подъ землей. Но ты будешь жить всегда въ нашей памяти. Такіе люди никогда не забываются. Да и есть чѣмъ вспомнить о твоей жизни. Ты былъ поистинѣ добрый, и трудолюбивый наставникъ; честный и полезный трудъ былъ девизомъ твоей жизни. И твоя ранняя кончина слѣдствіе — трудолюбивой и честной дѣятельности. Вспомнимъ начало нынѣшняго года. Въ это время твое здоровье было надорвано въ полномъ смыслѣ слова. Каждый, знающій тебя, сознавалъ, что тебѣ въ это время

нужно было оставить посѣщеніе лекцій. Ты этого не сдѣлалъ. По заведенному порядку являлся въ классъ и дребезжащимъ уже голосомъ продолжалъ говорить лекціи. Неясно ли говорить это о томъ, что ты трудился до послѣдней возможности, трудился въ ущербъ своего здоровья. Оставилъ посѣщать лекціи тогда уже, когда самъ убѣдился въ невозможности продолжать свою дѣятельность. Въ этомъ случаѣ ты показалъ полнѣйшее самоотверженіе. А прежняя твоя дѣятельность? не есть ли она то же самоотверженіе? Твое самоотверженіе объясняется ни чѣмъ либо другимъ, какъ любовью къ труду и стремленіемъ принести намъ пользу. Твоя дѣятельность не была бесполезна. Твой трудъ заставилъ и насъ трудиться. Мы трудились, изучая преподаваемые тобою предметы съ съ охотою, даже болѣе—съ любовью. Говорю не изъ желанія порисоваться говорю чистую правду. Во время своей болѣзни ты не забывалъ насъ. Для этого достаточно привести твои слова, сказанныя нѣсколько дней тому назадъ при разговорѣ о школьной дѣятельности: *„трудитесь честно, не гонитесь за матеріальнымъ обезпеченіемъ и славой. При честномъ и добросовѣтномъ трудѣ матеріальное обезпеченіе и слава придутъ сами собою“*. Эти слова, товарищи, пусть послужатъ завѣщаніемъ для всѣхъ насъ.

Присти же добрый и честный нашъ наставникъ. Буди тебѣ вѣчная память въ нашихъ сердцахъ и вѣчная слава въ небесахъ.

Павелъ Базилевъ.

Въ ожиданіи свѣдѣній о жизни Дмитрія Ивановича Успенскаго отъ его родныхъ, знакомыхъ и сотоварищей по Семинаріи и Академіи, редація вѣдомостей въ память почившаго сообщаетъ къ свѣдѣнію его почитателей краткій списокъ съ его формуляра.

„Преподаватель Тамбовской духовной Семинаріи *Дмитрій Ивановичъ Успенскій* по классу обзора философскихъ

ученій, психологій, педагогики и дидактики, отъ роду имѣлъ 32 года (въ 1878), сынъ дьячка, родомъ изъ Тульской губерніи. Обучался въ Тульской духовной семинаріи съ 1868 по 1866 годъ наукамъ: богословскимъ, философскимъ, историческимъ, физико-математическимъ, словесности, естественной исторіи, сельскому хозяйству, медицинѣ, языкамъ: греческому, латинскому и нѣмецкому, — въ *Московской духовной Академіи* съ 1866 по 1870 годъ наукамъ: богословскимъ, философскимъ, физико-математическимъ, всеобщей и русской гражданской исторіи и друг. По окончаніи въ Академіи курса наукъ, опредѣленъ, по выдержаніи трехъ пробныхъ уроковъ въ совѣтъ Московской дух. Академіи, въ *Пензенскую* духовную Семинарію преподавателемъ обзора философскихъ ученій, психологій, педагогики и дидактики 20 ноября 1870 года; въ степени кандидата богословія Св. Синодомъ оное было утверждено 5 іюня 1872 года. Согласно его прошенію, 28 августа 1872 года, перемѣщенъ въ Тамбовскую духовную Семинарію на кафедру по тѣмъ же наукамъ. Въ общемъ собраніи штатныхъ преподавателей семинаріи, согласно § 94 Устава дух. семинарій, 10 окт. 1872 г. оное было избранъ членомъ педагогическаго правленія семинаріи. По журнальному опредѣленію педагогич. собранія 20 сент. 1872 г., состоявшемуся во исполненіе указа Св. Синода отъ 29 іюля 1872 г. о мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательной части въ духовныхъ училищахъ, оное производилъ ревизію во 2 Тамбовскомъ духовномъ училищѣ. Въ педагогическомъ собраніи членовъ семинарскаго правленія 23 декабря 1873 г. избранъ членомъ распорядительнаго собранія. 19 октября 1873 г. опредѣленъ преподавателемъ педагогики и физики въ Тамбовскомъ женскомъ епархіальн. училищѣ (каковую должность оное исправлялъ до самой смерти). По журнальному опредѣленію педагогич. собранія отъ 26 марта 1876 года, оное съ 10 по 25 апрѣля производилъ ревизію въ Шацкомъ духовномъ училищѣ по учебно-воспитательной части. 23 авг. 1875 г. за отличную, усердную

и полезную службу его при семинаріи всемілостивѣйше награжденъ орденомъ св. Станислава 3 степени (а въ октябрѣ прошлаго 1878 г. онъ представленъ къ награжденію орденомъ св. Анны 3 степени); получалъ по должности преподавателя Семинаріи жалованья 900 рублей“.

Сверхъ того: Димитрій Ивановичъ въ разное время былъ преподавателемъ физики, географіи и педагогики въ Тамб. женской гимназіи; состоялъ членомъ Тамбовскаго миссіонерскаго Комитета и Тамбовскаго же противо-раскольническаго Казанскаго Богородицкаго Братства; на бывшихъ въ іюль и августъ 1873 и 1874 г. педагогическихъ съѣздахъ, по приглашенію членовъ училищнаго совѣта, читалъ сельскимъ учителямъ уроки по закону Божію.

Скучныя біографическія свѣдѣнія о жизни Димитрія Ивановича Успенскаго восполнимъ отрывками изъ воспоминаній бывшихъ его воспитанниковъ о преподавательской дѣятельности покойника. Изъ этихъ воспоминаній видно, что о Димитріѣ Ивановичѣ, какъ лучшемъ семинарск. преподавателѣ, звали воспитанники духовн. училищъ; молва о немъ доходила и до учениковъ отдаленнѣйшаго отъ Тамбова Шацкаго духовн. училища. «Димитрій Ивановичъ Успенскій, пишетъ г. Н. Л. — ий былъ изъ самыхъ лучшихъ и любимѣйшихъ нашихъ наставниковъ. Помню, когда я еще учился въ Шацкомъ духовномъ училищѣ, и слышалъ отъ воспитанниковъ семинаріи рассказы о Димитріѣ Ивановичѣ, какъ о преподавателѣ, который составлялъ славу своего учебнаго заведенія и память о которомъ никогда не угаснетъ у бывшихъ его слушателей, но будетъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому, подобно тому, какъ сохраняется добрая память о замѣчательнѣйшемъ въ Тамбовской семинаріи преподавателѣ философскихъ наукъ, Иванѣ Алексѣевичѣ Савостьяновѣ... На пріемномъ экзаменѣ въ семинарію по русскому языку, продолжаетъ г. Л., я въ первый разъ увидѣлъ Димитрія Ивановича и признаться съ

какимъ то особеннымъ уваженіемъ, доходившемъ до благоговѣнія, я всматривался въ его спокойное, умное лицо и сразу почувствовалъ къ нему глубокое уваженіе».

„Для воспитанника нѣтъ ничего дороже хорошаго товарищества писать г. Д. Т..., и ларовитыхъ учителей. Жизнь его проходитъ на половину въ классѣ, въ слушаніи лекцій своихъ наставниковъ, а на половину въ квартирѣ, среди товарищей. Ясно, что только хорошимъ учителемъ обуславливается отсутствіе скуки, и пріятность и занимательность класснаго, а частію и внѣкласснаго времени, потому что отличная лекція учителя слѣдуетъ за ученикомъ и внѣ стѣнъ школы... Мнѣ приходилось видѣть ученикомъ бывшаго въ Тамбовской семинаріи профессора Савостьянова; о немъ отзывались они съ какимъ то особеннымъ, родственнымъ чувствомъ, какъ будто онъ былъ имъ близко родной. И не мудрено. Учитель, разумѣется хорошій, развиваетъ въ своихъ питомцахъ умственную, нравственную и вообще духовную жизнь. Чѣмъ былъ Н. А. Савостьяновъ для нашихъ дѣдовъ, тѣмъ для насъ былъ Дмитрій Ивановичъ Успенскій. Знали мы его гораздо ранѣе, чѣмъ начали у него учиться. «Погодите, вотъ Дмитрій Ивановичъ научитъ васъ писать сочиненія; онъ васъ проберетъ; бывало говорили намъ его ученики». Но эта обѣщанная проборка насъ вислолько не страшила; въ словахъ самихъ говорившихъ такъ и просвѣчивало, что Дмитрій Ивановичъ, если ужъ проберетъ, то за дѣло и эта проборка не повредитъ, а напротивъ принесетъ намъ пользу. При томъ же самыя неліцемерныя похвалы (лицѣмеріе въ средѣ товарищей вообще не допускается) заставляли насъ желать, какъ можно скорѣй сдѣлаться его слушателями. И на долю нашего курса дѣйствительно выпалъ счастливый жребій скорѣе, чѣмъ другимъ, услышать рѣчь желаннаго нами наставника. Намъ онъ преподавалъ въ 3 классѣ логику въ первый и въ послѣдній разъ въ своей жизни... О логикѣ я имѣлъ нѣкоторое понятіе еще до поступленія въ семинарію

ми говорили, что это трудная наука и гораздо труднѣй, психологіи. Съ первой же лекціи Дмитрія Ивановича я сталъ разубѣждаться въ трудности логики. Лекція слѣдовала за лекціею, но не оказывалось въ ней ничего труднаго, не понятнаго. Учебникъ по логикѣ нами былъ скоро забытъ; для насъ дороги были только слова Дмитрія Ивановича. И точно на его классѣ только и видно, что мелькають карандаши да шуршитъ бумага: записываютъ за Дмитріемъ Ивановичемъ лекцію. Записывать было не трудно: говорилъ онъ рѣдко, громко, отчетливо; задумываться надъ тѣмъ, что нужно записать и чего не нужно, не приходилось: каждое его слово имѣло смыслъ и значеніе; лишняго въ лекціяхъ Дмитрія Ивановича не было. Особенно бросались въ глаза одно достоинство его лекцій: это принаровленіе къ нашему пониманію. Слушаешь и кажется, что все это ты самъ давно знаешь. Но не чувство мелочной ученической гордости наполняло нашу душу въ такія минуты: «ты, дескать, толкуй тамъ, какъ хочешь, а мы это знаемъ давно сами!» Въ лекціяхъ Дмитрія Ивановича была всегда новизна, заставлявшая слушать внимательно, изъ боязни проронить какое слово, потому что послѣ трудно связать самому мысли. Оттого на классѣ Дмитрія Ивановича не было никакого шума, полнѣйшая тишина и глубокое вниманіе царило во всѣхъ даже самыхъ отдаленныхъ въ классѣ. Равьше его никто не вставалъ съ мѣста, какъ случается иногда у другихъ преподавателей.... Логикѣ мы знали хорошо, благодаря Дмитрію Ивановичу: на экзаменѣ, не смотря на то, что для подготовки не было дано времени, отвѣчали весьма удовлетворительно... Перешли мы въ 4 классъ. Начались уроки философіи и психологіи. Обзоръ философскихъ ученій это не то, что логика; изложить и преподавать въ четыре недѣльныхъ урока въ продолженіе года путаницу человѣчesk. миѣній болѣе чѣмъ за 2000 періодъ задача крайне тяжелая. Но тутъ-то стало еще яснѣй, еще осязательнѣе уясниться въ нашемъ сознаніи высокая и дюжинная личность Дмитрія Ивановича.

Какъ руководство по этой наукѣ были его литографированныя записки. На 160 страницахъ, правда, четкаго, убористаго письма помѣщалась сущность всего того, что передумалъ въ 20 слишкомъ вѣковъ человѣческой родѣ, о чемъ было написано не исчетное количество книгъ. Но трудомъ надъ составленіемъ записокъ не ограничивалась дѣятельность Димитрія Ивановича по философіи. Лекція никогда не заставляла себя ждать. Не смотря на очевидное нездоровье ни разу отъ Димитрія Ивановича не случилось намъ слышать: «приготовьте дальѣ по запискамъ». Лекція стояла всегда на первомъ планѣ. Придетъ, бывало, Димитрій Ивановичъ, сядетъ (онъ всегда сидѣлъ въ классѣ) и начнетъ говорить дальше, говорить самымъ простымъ языкомъ, разъяснялъ до мелочи трудныя мѣста; каждая почти лекція повторялась ученикомъ, а послѣ повторенія начинался спросъ учениковъ. Плохо повторяетъ ученикъ, заученно, безтолково отвѣчаетъ ученикъ урокъ, Димитрій Ивановичъ никогда не подниметъ другаго; все время бьется съ нимъ стараясь навести сбившагося или не понимающаго на истинный путь. О психологіи я не хочу говорить: простая сама по себѣ, наука эта еще большую ясность получала отъ словъ Димитрія Ивановича; учебникъ какъ и по логикѣ былъ оставленъ; не мало было такихъ воспитанниковъ, которые цѣлый курсъ и не брали въ руки учебника по этой наукѣ да и то къ экзамену, если и засматривали въ него, то только по мѣстамъ. Живо представляется мнѣ его критика нашихъ письменныхъ работъ. Къ предметамъ, читаемымъ Димитріемъ Ивановичемъ, мы относились сравнительно (съ другими науками) съ большимъ усердіемъ; надъ сочиненіемъ, даннымъ намъ, трудились гораздо болѣе, чѣмъ надъ другими. И все таки какой-то трепеть охватывалъ насъ, когда бывало станеть онъ вынимать сочиненія изъ своего боковаго кармана. Дѣйствительно критика была настоящая: каждое выраженіе, каждая фраза подвергалась всестороннему разбору: хорошо-ли выражено, а главное какъ взятая въ предыдущую относится

къ общему смыслу сочиненія, понятна-ли она для самаго автора. До мельчайшихъ тонкостей разбиралъ сочиненія и эта строгость далеко не служила намъ во вредъ, между тѣмъ польза была очевидная; другое, слѣдующее сочиненіе, писалось еще съ большимъ усердіемъ... Въ класса знали мы Д. М. мало: видѣли только на улицѣ: вдетъ, бывало, съ своей неизмѣнной тросточкою, въ шляпѣ какого-то пепельнаго цвѣта и короткомъ пальто—что въ последнее время рѣдкость. «Не платиль, значить, дань модѣ» замѣчали мы про себя и между собою. По слухамъ мы знали, что Димитрій Ивановичъ дома усердно занимается, ведетъ себя ровно, воздержно и—только; но и это не многое еще болѣе поднимало и безъ того высокую въ нашемъ мнѣніи личность Димитрія Ивановича. Съ Великаго Поста пересталъ онъ ходить въ классъ, да и то, какъ говорятъ, по настоянію о. Ректора и сотоварищей преподавателей»...

Димитрій Ивановичъ временно читалъ воспитанникамъ логику; о преподаваніи этой науки пишетъ г. Н. Л—ій:

«Особенно мнѣ памятенъ, первый урокъ по логикѣ, когда Димитрій Ивановичъ сообщилъ намъ первоначальныя понятія объ этой наукѣ. Новизна предмета и самая форма передачи его наставникомъ увлекала насъ, мы сидѣли такъ тихо, что слышно было, какъ по классу летитъ муха. Димитрій Ив. говорить, какъ и всегда, тихо, а это заставляло насъ еще внимательнѣе слѣдить за его рѣчью. Логикою, замѣчаетъ г. Л., у насъ (въ Семипаріи) начинается отдѣлъ философскихъ наукъ и по этому она (т. е. логика) кажется для учащихся особенно трудною наукою, но Димитрій Ивановичъ умѣлъ преподавать ее просто и наглядно заимствуя для уясненія сообщаемаго примѣры изъ окружающихъ насъ предметовъ. Но особенно важно для насъ было то, что Димитрій Ивановичъ, объяснивши часть урока, имѣлъ обыкновеніе повторять сказанное, кратко, но въ строгой послѣдовательности передавалъ намъ главные мысли урока, тоже дѣлалъ и по окончаніи все-

го урока. При такомъ способѣ преподаванія, мы легко усвоили лекцію во время самыхъ классныхъ занятій. Многіе изъ товарищей записывали за Димитріемъ Ивановичемъ лекцію и по этимъ запискамъ приготовляли уроки по логикѣ, такъ что формальный учебникъ по логикѣ имѣлъ для насъ менѣе, чѣмъ второстепенное значеніе. Для класснаго отвѣта по логикѣ, было достаточно со вниманіемъ выслушать лекцію Димитрія Ивановича, а для пополненія этой лекціи—для экзаменскаго отвѣта довольно было прочесть записи товарищей на классѣ логики у Димитрія Ивановича; были между товарищами такіе, которые и не знали автора учебника логики, рекомендованнаго Учебнымъ Комитетомъ. О приемахъ его преподаванія г. Л. пишетъ слѣдующее: «Вотъ Д. И. вошелъ въ классъ. Прочли молитву. И преподаватель начинаетъ лекцію. Нельзя не слушать его рѣчи безъ увлеченія. Какая простота и ясность въ изложеніи мыслей въ его лекціи! Тихо, почти шопотомъ говоритъ онъ, но это нисколько не мѣшаетъ намъ слѣдить за его лекціею. Мы уже привыкли къ интонаціи его голоса, а при особенномъ вниманіи, съ какимъ мы обыкновенно слушали Димитрія Ивановича, намъ легко различать и малѣйшія измѣненія его рѣчи. Въ классѣ царитъ тишина; всѣ какъ будто превратились въ одно вниманіе, только изрѣдка болѣзненный кашель Димитрія Ивановича нарушалъ тишину. Но вотъ его лекція кончилась. Димитрій Ивановичъ начинаетъ спрашивать насъ изъ прошлаго урока. Внимательно выслушивалъ онъ отвѣтъ каждаго воспитанника и вообще строго относился онъ къ нашимъ отвѣтамъ. И за это большое ему спасибо. Д. Ив. пріучалъ насъ излагать мысли въ строгой послѣдовательности, въ точныхъ и правильныхъ выраженіяхъ. Въ отвѣтахъ, б. ч. своихъ ошибокъ не замѣчаешь; иногда выражаешься не точно, не ясно и не связно. Димитрій Ивановичъ, замѣчая подобныя ошибки, останавливаетъ отвѣчающаго и доводитъ его до сознанія своей ошибки, къ исправленію своей рѣчи, къ выраженію своей мысли ясно и правильно. Отвѣтовъ по читае-

мымъ наукамъ Димитрій Ивановичъ, пишетъ г. Н. Л., всегда требовалъ отчетливыхъ и особенное вниманіе онъ онъ обращалъ на то, чтобы воспитанники точно выражали свои мысли. Когда онъ предлагалъ какой либо вопросъ отвѣчающему урокъ воспитаннику и этотъ послѣдній затруднялся отвѣтомъ, Димитрій Ивановичъ никогда не отвѣчалъ самъ за него, но цѣлымъ рядомъ вопросовъ давалъ только толчекъ самостоятельной мысли воспитанника и тотъ самостоятельно рѣшалъ предложенный ему вопросъ; только въ случаѣ совершеннаго непониманія воспитанникомъ дѣла, послѣ долгихъ усилій заставить отвѣчающаго дать самостоятельно обдуманнй отвѣтъ, Димитрій Ивановичъ уже самъ рѣшалъ предложенный воспитаннику вопросъ».

«Никогда не изгладятся, пишетъ г. Г. С..., изъ моей памяти тѣ впечатлѣнія, которыя покойный Димитрій Ивановичъ оставилъ въ моей памяти. Какъ бы сейчасъ вижу его блѣдое, исхудалое лицо, его довольно высокій лобъ, впалые глаза, его согнутый станъ; какъ будто сейчасъ слышу его тихую, умную рѣчь, даже малѣйшія движенія, какія могъ подмѣтить за нимъ, не пропали безслѣдно для меня и запечатлѣлись въ моей душѣ. Въ немъ не я одинъ, но всѣ и сотоварищи мои видѣли лучшаго наставника, по немъ намъ представлялся идеаль преподавателя. Это былъ труженикъ науки. Преподавалъ онъ самыя трудныя изъ круга Семинарскихъ науки: обзоръ философскихъ ученій, логику, психологію и др. Учебниковъ по нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ не было, а по какимъ и были, то они для насъ, его слушателей, оказывались излишними, такъ какъ въ нихъ нельзя было найти и пятой доли того, что онъ намъ говорилъ въ классѣ. Димитрій Ивановичъ, какъ пчела, собиралъ вездѣ и все, относящееся къ его наукѣ, сообщалъ вамъ кратко, но ясно и наглядно. При своемъ изумительномъ трудолюбіи Димитрій Ивановичъ отличался терпѣніемъ. При неудовлетворительномъ отвѣтѣ онъ не раздражался и не оставлялъ воспитанника въ невѣдѣніи, но всегда при самомъ не-

удачномъ воспроизведеніи его лекціи наводилъ на мысль, пояснялъ непонятное ученикомъ и не прежде говорилъ обычное *довольно съ васъ*, какъ воспитанникъ, понявши предметъ лекціи, давалъ удовлетворительный отвѣтъ. Въ сожалѣнію, не пришлось намъ до конца курса слышать его дѣльных лекціи... По мѣрѣ усиленія болѣзни голосъ его, прежде довольно громкій, началъ ослабѣвать, и значительно понизился, рѣчь его сдѣлалась отрывистою и не рѣдко прерывалась сильнымъ кашлемъ. Все это производило на насъ грустное впечатлѣніе и мы сживались съ тяжелою мыслию: «не жилецъ нашъ Димитрій Ивановичъ на этомъ свѣтѣ»...

«27 марта нынѣшняго 1879 г., пишетъ г. А. Д., Тамбовская духовная Семинарія лишилась одного изъ трудолюбивѣйшихъ и даровитѣйшихъ своихъ преподавателей въ лицѣ Димитрія Ивановича Успенскаго. Смерть въ раннихъ лѣтахъ похитила отъ насъ, его учениковъ, всѣми уважаемаго и любимаго наставника. Но не умреть онъ въ нашихъ сердцахъ, на всегда, на всю жизнь нашу запечатлѣлся образъ добраго, кроткаго учителя. Да и какъ забыть его, когда онъ всю свою дѣятельность направлялъ ко благу и для пользы воспитанниковъ. Димитрій Ивановичъ и вовремя своей тяжелой болѣзни неопустительно посѣщалъ лекціи и только за мѣсяць до своей смерти прекратилъ классныя занятія. Димитрій Ивановичъ былъ всецѣло преданъ наукѣ: его пронизательный умъ находилъ для себя пищу исключительно въ научныхъ занятіяхъ, обладая хорошимъ даромъ слова, онъ отлично преподавалъ намъ уроки и все, казавшееся намъ непонятнымъ, объяснялъ просто, наглядно и въ немногихъ словахъ. Уроки говорилъ съ увлеченіемъ и не замѣтно для насъ самихъ, какъ-бы противъ воли, заставлялъ насъ внимательно выслушивать его лекціи до конца. Для Димитрія Ивановича не были свободны отъ занятій праздничные и воскресные дни; въ эти дни онъ посѣщалъ воскресную при семинаріи школу. Мальчики, посѣщавшіе эту школу, бывало съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его при-

хода и издали завидя его бѣгутъ къ нему съ разными вопросами, то: дяденька, дай мнѣ хорошенькую книжку, то растолкуй ему въ книжкѣ имъ непонятное и т. п. Димитрій Ивановичъ внимательно выслушиваетъ каждого мальчика и, по возможности, старается удовлетворить требованію ихъ»...

Димитрій Ивановичъ, пишетъ г. П. М..., былъ преподаватель не дюжинный, онъ не подходилъ подъ категорію тѣхъ которые задаютъ своимъ ученикамъ уроки, какъ говорится, «отъ сихъ и до сихъ», спрашиваютъ, мало что объясняя, заданный урокъ и этимъ б. ч. ограничиваютъ свой трудъ. Не такъ бывало у Димитрія Ивановича. Сказанная имъ лекція объяснялась и трудъ для нихъ становился по силамъ. Его лекціи для учениковъ всегда бывали столько же новы, сколько и интересны. Этимъ и объясняется та любовь къ Димитрію Ивановичу, благодаря которой ученики съ нетерпѣніемъ ожидали прихода въ классъ этаго наставника и Димитрій Ивановичъ всегда приходилъ въ классъ съ подготовленною имъ лекціею и излагалъ ее всегда увлекательно и въ возможной полнотѣ. Онъ главнымъ образомъ старался о томъ, чтобы преподавать ученіе о предметахъ отвлеченныхъ, какъ можно яснѣе, нагляднѣе и довести учениковъ до отчетливаго пониманія предмета своей рѣчи. И труды его увѣнчивались успѣхомъ. Воспитанники лучше, чѣмъ по другимъ наукамъ, знали предметы, преподаваемые Димитріемъ Ивановичемъ».

«Чтеніе лекцій Димитрія Ивановича было такъ увлекательно для воспитанниковъ, что бывало, вопреки установленному порядку, ученики одного отдѣленія переходили въ другое отдѣленіе на классъ Димитрія Ивановича послушать его лекцію, хотя за такое нарушеніе школьной дисциплины подвергались взысканію со стороны начальства».

«Учиться у Димитрія Ивановича я сталъ, пишетъ г. С. Кр—ій, съ 3 класса, гдѣ онъ читалъ логику. Говоритъ лекціи по логикѣ людямъ, которые не знали ни одного философскаго термина задача крайне трудная. Но Димитрій Ивановичъ не

зналъ этихъ затрудненій. Онъ умѣлъ самыя темныя, запутанные вопросы по логикѣ перерабатывать въ своей умной головѣ, упростить ихъ до послѣдней степени, а потомъ уже и передавать своимъ слушателямъ, въ томъ простомъ наглядномъ видѣ, въ какомъ они легко воспринимались и не даровитыми воспитанниками. Лекціи по логикѣ, наукѣ, по видимому, сухой, для насъ были пріятнѣе всѣхъ другихъ, такъ-какъ послѣ каждой лекціи Дмитрія Ивановича мы сознавали благотворность умственной самодѣтельности... Но если интересны были намъ лекціи (по логикѣ) о законахъ человѣческой мысли, то еще большій интересъ возбудилъ въ насъ Дмитрій Ивановичъ своими лекціями (по психологіи) о развитіи этой мысли съ самыхъ первыхъ началахъ ея обнаруженія. Выѣстъ съ логикой Дмитрій Ивановичъ читалъ и психологію и какъ читалъ онъ ее! Видно было, что лекціи его были не на ходу схваченныя но плодъ усиленнаго умственнаго его труда».

„Дмитрій Ивановичъ обладалъ способностію говорить просто, наглядно и самыя отвлеченныя, философскія доктрины умѣлъ излагать для всѣхъ насъ понятно, такъ что, по выслушаніи его лекціи, и труднѣйшія мѣста изъ учебника становились понятными, уяснялись нашему сознанію... Въ особенности замѣчательны были его лекціи по психологіи: онѣ отличались ясностію, полнотою содержанія. Когда нашему классу (IV кл.) дана была имъ тема для письменнаго упражненія; „взглядъ матеріалистовъ на ощущенія“, то мы въ семи учебникахъ и пособіяхъ по психологіи, составленныхъ разными авторами, не нашли ни одной (существенной) мысли, которая была бы пропущена въ его лекціи объ ощущеніяхъ. (Пав. К.).

Дмитрій Ивановичъ основательно зналъ не однѣ только тѣ науки, которыя относились къ его кафедрѣ, и были предметомъ его спеціальныхъ занятій. Подобныя же основательныя свѣдѣнія онъ имѣлъ и въ другихъ наукахъ семинарскаго курса, не относившихся къ его спеціальности. За болѣз-

нію преподавателей Димитрію Ивановичу приходилось занимать уроки по разнымъ наукамъ, иногда и не сроднымъ съ читаемыми имъ,—но и здѣсь онъ оказывался знатокомъ своего дѣла. Замѣчательно въ покойникѣ и то, что временно занимая за больнаго своего сотоварища преподавателя какую либо кафедру, онъ никогда не являлся въ классъ безъ приготовленной лекціи. Димитрій Ивановичъ временно преподавалъ Догматическое и Нравственное Богословіе, свящ. Писаніе, гражданскую Исторію; имѣлъ уроки и по греческому языку и по физикѣ и др. наукамъ и по этимъ наукамъ лекціи его были содержательны.

Вотъ интересныя свѣдѣнія, сообщаемыя воспитанникомъ Д. П. о преподаваніи Димитріемъ Ивановичемъ Св. Писанія въ богословскомъ классѣ. „Мнѣ приходилось, пишетъ Д. П., слышать о Димитріѣ Ивановичѣ отзывъ одного изъ воспитанниковъ высшаго (богословскаго) класса о преподаваніи имъ (т. е. Димитріемъ Ивановичемъ) Св. Писанія. Упомянутый воспитанникъ былъ очень боленъ, такъ что ему для поправленія здоровья нуженъ былъ совершенный покой, но онъ продолжалъ посѣщать лекціи, хотя семинарскій врачъ совѣтовала ему уѣхать на родину и воспользоваться сельскимъ воздухомъ для возстановленія физическихъ силъ своихъ; однажды я спросилъ этаго воспитанника: зачѣмъ онъ не ѣдетъ на родину, а продолжаетъ ходить въ классъ, тотъ отвѣчалъ что ему не хочется опускать лекціи Димитрія Ивановича (по Св. Писанію). Изъ этаго факта видно, что покойный Димитрій Ивановичъ основательно зналъ и тѣ науки, которыя временно приходилось ему занимать за отсутствующихъ, больныхъ преподавателей“.

Димитрій Ивановичъ, по отношенію къ воспитанникамъ, былъ одинъ изъ болѣе строгихъ, требовательныхъ преподавателей. Не приготовить лекцію, не написать письменное упражненіе по его предмету—считалось съ ихъ стороны преступленіемъ противъ своего любимаго учителя. Не щедръ

былъ Димитрій Ивановичъ на постановку въ отвѣтахъ и на письменныхъ упражненіяхъ высшихъ, лучшихъ балловъ. Рѣдкое сочиненіе по его предмету, написанное дѣльно, удостоивалось полнаго бала (5) и не многіе изъ воспитанниковъ получали этотъ балъ за устные свои отвѣты, хотя, по словамъ одного изъ слушателей, „Димитрій Ивановичъ умѣлъ поставить дѣло преподаванія своихъ наукъ такъ, что всѣ ученики всегда готовили уроки, даже самыя записныя лѣнтя и тѣ считали за грѣхъ не приготовить лекціи по предмету, преподаваемому Димитріемъ Ивановичемъ“. Но его любили и за эту строгую оцѣнку ихъ трудовъ и это потому что, по признанію воспитанниковъ, Димитрій Ивановичъ до математической точности былъ справедливъ въ оцѣнкѣ отвѣтовъ своихъ учениковъ; онъ имѣлъ рѣдкое свойство знать на сколько каждый воспитанникъ умственно развитъ и сколько онъ трудится надъ приготовленіемъ уроковъ“. (П. Н.) Письменнымъ работамъ воспитанниковъ Димитрій Ивановичъ придавалъ особенно важное значеніе къ развитію ихъ способностей. Предметомъ для сочиненій онъ избиралъ темы изъ своихъ наукъ болѣе трудныя и требующія усиленныхъ умственныхъ трудовъ и значительной начитанности, а главное эти сочиненія служили для него средствомъ узнать, на сколько какимъ воспитанникомъ усвоена читанная имъ наука. Съ особенною заботливостію Димитрій Ивановичъ занимался критическимъ разборомъ письменныхъ упражненій въ классѣ и при этомъ обращалъ не только на содержаніе сочиненій, на внутреннюю связь мыслей, на правильное построеніе рѣчи, но даже и на отдѣльныя слова и выраженія. Критическая оцѣнка сочиненій была и строга и всесторонняя, но воспитанники съ особеннымъ удовольствіемъ слушали замѣчанія преподавателя, хотя авторамъ письменныхъ упражненій иногда приходилось выслушивать рѣзкія замѣчанія, строгія внушенія. Но „задачки“, исправленныя Димитріемъ Ивановичемъ, хранились у его воспитанниковъ,

какъ завѣтная, дорогая святыня, какъ воспомяніе о его неуспѣшной дѣятельности, направленной къ развитію ихъ умственныхъ способностей. Димитрій Ивановичъ въ разборѣ письменныхъ упражненій не довольствовался общою оцѣнкою сочиненія, одобреніемъ, или неодобреніемъ, высказаннымъ въ концѣ письменныхъ упражненій,—онъ и —на поляхъ и между строками на сочиненіи писалъ много замѣчаній, дѣлалъ наставленія, поправлялъ ошибки... Не смотря на то, что надъ исправленіемъ письменныхъ упражненій Димитрій Ивановичъ просиживалъ цѣлыя ночи, онъ всегда своевременно исправлялъ письменные труды воспитанниковъ и представлялъ Ректору на разсмотрѣніе. Объ аккуратности Димитрія Ивановича въ исправленіи письменныхъ упражненій воспитанниковъ свидѣтельствуется то, что не смотря на тяжкую и продолжительную болезнь, онъ оставилъ только два экземпляра ученическихъ сочиненій не исправленными и то, кажется, потому что онѣ были поданы ему за нѣсколько дней до смерти.

Въ іюлѣ и августѣ 1873—74 г. по инициативѣ предсѣдателя губернскаго училищнаго совѣта составленъ—былъ педагогическій съѣздъ сельскихъ учителей Тамбовской губерніи. Для чтенія образцовыхъ практическихъ уроковъ по русской граматѣ ариѳметикѣ и Закону Божію вызваны были педагогическія знаменитости; въ Тамбовѣ въ это время были Перетцъ, Гасабовъ Степановъ. Законъ Божій сельскимъ учителямъ читалъ одинъ изъ бывшихъ законоучителей, но его уроки для большинства сельскихъ учителей, оставались непонятными тогда предсѣдатель совѣта обратился къ Димитрію Ивановичу Успенскому съ предложеніемъ преподавать сельскимъ учителямъ нѣсколько уроковъ по закону Божію, что и исполнилъ онъ весьма успѣшно; тогда и въ городѣ заговорили о немъ, какъ опытномъ педагогѣ, разумномъ руководителѣ сельскихъ учителей. Но предоставимъ въ этомъ отношеніи слово, одному изъ сельскихъ учителей, слуша-

шихъ уроки Димитрія Ивановича на сѣздахъ. „О дѣятельности Димитрія Ивановича, какъ профессора семинаріи, пишетъ Я. Д. бывший сел. учителемъ, мнѣ ничего неизвѣстно, но могу сказать о немъ нѣсколько словъ объ его педагогической дѣятельности, о которой заставляють меня съ благодарностью вспоминать тѣ практич. уроки, которые Димитрій Ивановичъ, по приглашенію училищнаго совѣта, въ 1873—1874 г., давалъ на педагогическомъ сѣздѣ сельскимъ учителямъ. Воспоминаніе о немъ жило въ моей памяти во все время моей учительской дѣятельности и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возобновлялось, особенно въ затруднительныхъ случаяхъ моей практики. Такъ, недоумѣвая какъ лучше и нагляднѣе объяснить мальчику о какомъ либо предметѣ, тотчасъ вспомнишь, какъ это объяснялъ намъ Димитрій Ивановичъ. И сейчасъ предметъ становится яснѣе въ глазахъ мальчика и онъ хорошо усваивалъ его. Димитрій Ивановичъ просто и наглядно объяснялъ каждый предметъ, такъ что его понимали всѣ мальчики, которые были привезены на сѣздъ и его слушали съ большею охотою, чѣмъ другихъ (считавшихся отличными педагогами) и не охотно оставлялись его уроки. Привлекали къ нему мальчиковъ простота объясненія и умѣнье заинтересовать каждого изъ своихъ маленькихъ слушателей. Особенно большое ему, русское спасибо за его практ. уроки по закону Божію, — какъ просто, наглядно онъ объяснялъ священныя событія по картинамъ, одобреннымъ Министерствомъ Народ. Просвѣщенія для сельскихъ училищъ“.

Вотъ какое впечатлѣніе производила на воспитанниковъ послѣдняя лекція Димитрія Ивановича:

„На страстной недѣлѣ, пишетъ г. Н. Д.—ій, скончался всѣми нами уважаемый преподаватель Димитрій Ивановичъ. Вѣсть о смерти его быстро разнеслась по всему корпусу казенно-коштныхъ воспитанниковъ семинаріи... Но это извѣстіе не поразило насъ, такъ какъ мы, уже видя его жизнь

со дня на день угасающею, свыклись уже съ мыслию о скорой съ нимъ разлукѣ... Не разъ бывало послѣ лекціи Дмитрія Ивановича у многихъ являлись тяжелыя думы, а у нѣкоторыхъ невольно показывались слезы на глазахъ, что не долго намъ слушать его умныя рѣчи. Такъ въ концѣ октября прошлаго (1878 г.) съ особеннымъ воодушевленіемъ говорилъ Дмитрій Ивановичъ лекцію. Въ классѣ было такъ тихо, потому что каждый боялся проронить и слово любимого своего наставника... Но вдругъ среди самой лекціи Дмитрій Ивановичъ останавливается и объявляетъ, что онъ не можетъ далѣе продолжать лекцію, беретъ классный журналъ и съ сильнымъ кашлемъ медленно выходитъ изъ класса. Это сильно поразило насъ, его слушателей и у нѣкоторыхъ невольно навернулось слеза на глазахъ отъ тяжелаго предчувствія скорой съ нимъ разлуки"... А особенно сильное впечатлѣніе произвелъ на насъ покойный въ понедѣльникъ сырной недѣли и выраженіемъ своего лица и слабымъ голосомъ. Какъ не усиливался Дмитрій Ивановичъ внятнѣе передать намъ свои мысли о религіозномъ воспитаніи дѣтей; но его усилія были напрасны: голосъ у него былъ такъ слабъ, что и ближе другихъ къ нему сидѣвшіе едва могли разбирать его слова; и лице его прежде всегда спокойное, было чрезвычайно блѣдно, какъ у мертвыхъ и не имѣя возможности продолжать лекцію, онъ прерывающимся отъ кашля, едва слышнымъ голосомъ, сказалъ намъ: „трудитесь, господа, трудитесь“, и тихою медленною походкою вышелъ онъ изъ класса, а при сходѣ съ лѣстницы онъ держался рукой за перилы и не разъ останавливался, собираясь съ силами“.

„Никогда я не забуду, пишетъ его воспитанникъ г. П. С., его послѣдняго урока, когда Дмитрій Ивановичъ, не много оправившись отъ болѣзни, однако больной и исхудалый пришелъ къ намъ въ классъ. Началось по обычаю спрашиванье лекціи. Какъ на грѣхъ урокъ попался довольно трудный, спрашиваемые же, оказалось, выучили урокъ, но не

постарались понять его, чего терпѣть не могъ Дмитрій Ивановичъ; „Позвольте!.. позвольте“ послышался его хриплый и прерывающійся голосъ: скажите мнѣ: какъ вы это понимаете“? Ученикъ говоритъ, путается, сбивается. Дмитрій Ивановичъ старается навести его на мысль, предлагаетъ наводящіе на нее намеки, ничто не помогаетъ. Сидѣть становилось крайне тяжело и неловко. „И за чѣмъ это онъ пришелъ?“ слышится кое-гдѣ шопотъ: „всякому видно, что онъ и занимается и говоритъ черезъ силу“ наконецъ, кончается этотъ тяжелый классъ. — „Я ужъ и не знаю, господа, чѣмъ объяснить, что вы плохо усвоили этотъ урокъ. Много чтоль задано?!. (а задано было всего $\frac{1}{2}$ листа). Но вѣдь это стыдно даже сказать“?. И на лицѣ Дмитрія Ивановича появилась какая-то горькая усмѣшка. Ученики, выходя изъ класса, говорили, что „плохъ здоровьемъ Дмитрій Ивановичъ“, что „плохо будетъ, если онъ скоро умретъ“. Спустя двѣ минуты я видѣлъ, какъ Дмитрій Ивановичъ еле-еле шелъ по лѣстницѣ, держась за перилы обѣими руками“.

Заклучимъ отрывки изъ воспоминаній о Дмитріѣ Ивановичѣ Успенскомъ воспитанниковъ, бывшихъ слушателями, отзывами о преподавательской дѣятельности покойнаго членовъ учебнаго Комитета, по предписанію Св. Синода, производившихъ ревизію въ Тамбовской семинаріи.

Обозрѣвавшій въ 1874 г. съ 25 апрѣля по 24 іюня Тамб. Семинарію. Игнатій Клим. Зинченко далъ такой отзывъ о дѣятельности Дмитрія Ивановича Успенскаго. „Г. У. (Успенскій) преподавалъ нравственное богословіе и педагогику въ обоихъ высшихъ отдѣленіяхъ и обзоръ философск. ученій въ 1 среднемъ. Преподаватель весьма способный, отлично знающій свой предметъ. Я имѣлъ случай быть у г. У., на урокѣ по дидактикѣ. Передаваемо было содержаніе методики Евтушевскаго. Это были не только объясненія, но и примѣрный урокъ по ариѳметикѣ, по методѣ Грубе, видоизмѣненной Евтушевскимъ. Безъ удовольствія нельзя слушать этого

наставника: ясность, отчетливость и полнота содержания, при прекрасномъ дарѣ слова, располагающемъ къ нему слушателя. У г. У. (Успенскаго) развита способность, я не могъ этого не замѣтить, къ популяризаціи, къ аналитическому раскрытію предмета, къ низведенію его до представленія своихъ учениковъ; онъ всегда хочетъ знать, какъ ученики представляютъ то, или другое положеніе философа; съ какими своими психологическими и логическими понятіями связываютъ оное, отъ какихъ отличаютъ и въ чемъ отличаютъ; у него первый вопросъ, какъ только ученикъ изложитъ то, или другое положеніе философа о данномъ предметѣ: какъ вы его представляете? И тогда только признаетъ въ отвѣчающемъ пониманіе, или непониманіе, когда видитъ въ какое отношеніе онъ въ своемъ умѣ ставитъ высказанное положеніе съ тѣми познаніями, которыя знаетъ изъ логики, психологіи, или изъ прежде преподааннаго. О письменныхъ сочиненіяхъ по предметамъ Дмитрія Ивановича Успенскаго г. ревизоръ замѣчаетъ, что въ нихъ раскрытіе предмета, большею частію, аналитическое, популярное, такое, какое мы видимъ, напримѣръ, въ изложеніи философіи Льюиса. Сочиненія учениковъ (г. У.) поправлялъ внимательно и одобрявалъ строго. (Отчетъ о ревизіи духовно-учебн. завед. Тамбовской епархіи въ 1874 г. Зинченко стр. 7—8).

Второй ревизоръ С. И. Миропольскій, обозрѣвая Тамбовскую семинарію въ 1876 г. далъ такой отзывъ о Дмитріѣ Ивановичѣ Успенскомъ: „кандидатъ Успенскій, преподаватель философскихъ наукъ, во время ревизіи читалъ логику и педагогику; логику преподавалъ онъ мастерски: отчетливость сужденія, ясность и точность изложенія, удачный выборъ примѣровъ, логическій ихъ анализъ, законченность изъясненій—вотъ качества преподаванія г. Успенскаго“. (Извлеченіе изъ отчета о ревизіи г. Миропольскимъ Тамбовской семинаріи, стр. 21).

При гробѣ Димитрія Ивановича Успенскаго.

Послѣдній долгъ, нашъ наставникъ любезный,
Тебѣ собрались мы отдать?

Честный душою, отчизнѣ полезный,
Въ твоихъ-ли лѣтахъ умирать?

Сбыль-бы слово межъ нами разумное,
Къ чести и добру приучаль,

Ты понялъ жизни стремленіе бурное
И намъ бы вотъ путь показалъ.

А сколько вѣдь силъ молодыхъ погибаетъ
Въ сомнѣньяхъ, страданьяхъ, борьбѣ!

Боротся за правду—незнание пугаетъ:
Темъ; бугры да овраги, вездѣ...

Но видно взялъ не посильное дѣло,
Видно честно прожить нелегко?...

Мы знаемъ: ты въ жизни гордо и смѣло
Шелъ, но пошелъ далеко?...

«Трудитесь честно, трудъ время оцѣнить»,
Ты завѣщаль умирая.

Будемъ трудиться, а силы измѣнять
И наша участь такая?...

Жить съ мертвецами—завидная доля!
Честно бороться? Сотруть.

Скука, бездѣйствіе, пошлость, неволя,—
Это у насъ жизнью зовутъ.

И не диво, что жизнь намъ любезную
Счелъ онъ за счастье кинуть:

Жить для нея—надо силу желѣзную,
А волю желѣзную согнуть.

*
* *

Вотъ ты и бросилъ жизни гнетущее бремя,
Для неба разстался съ землей...

Прости! до свиданья! придетъ наше время,

Тамъ рядомъ мы ляжемъ съ тобой.

Тамъ не коснется тревога земная,

Ни горя съѣдающій ядъ:

Тамъ радость, блаженство, свобода святая,

Тамъ Бога во-очію зрять.

*
* *
*

За честный трудъ, за стремленіе честное

Дай тебѣ, Господи, царство небесное.

К. Р-ій.

С Л О В О

въ день св. Равноапостоловъ Меѳодія и Кирилла,
произнесенное 11-го мая, въ Семинарской церкви.

*Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ
слово Божіе... и подражайте вѣрѣ ихъ. (Евр. 13. 7).*

Не о насъ — наставникахъ вашихъ, юноши, я хотѣлъ бы побесѣдовать съ вами теперь, взявъ въ оглавленіи бесѣды совѣтъ апостола, а о тѣхъ свв. наставникахъ, въ честь которыхъ устроенъ храмъ этотъ, и годовщину устройства котораго храма мы нынѣ празднуемъ. Наставники эти свв. Равноапостолы Меѳодій и Кирилль, — наши родные просвѣтители, весь міръ Славянскій просвѣтившіе, и въ частности въ нашемъ Славяно-Русскомъ отечествѣ положившіе такой краеугольный камень церкви и государства, о который всегда разбивались и разбиваются всѣ волны враждебной силы вражійей, готовой поглотить и наше отечество и св. церковь.

Я не буду долго останавливаться на судьбахъ нашего отечества минувшихъ, не буду много говорить объ этихъ скорбныхъ эпохахъ, пережитыхъ многострадальною Россією благоуспѣшно, благодаря только св. православной вѣрѣ и

церкви, — т. е. тому мощному оплоту, который положили свв. первосвятители для нашего отечества. Въ самомъ дѣлѣ: нужно ли напоминать вамъ, болѣе или менѣе знакомымъ съ исторіею нашего государства имена тѣхъ ангеловъ хранителей земли Русской, этихъ прямыхъ наслѣдниковъ свв. равноапостоламъ, этихъ стражей правосл. церкви, а чрезъ нее и государства, напр. въ грустную эпоху нашествія на Русь дикихъ ордъ Азіатскихъ? Слѣдов. нужно ли напоминать имена святителей — Алексія, Петра, или препод. Сергія, ополчившаго своими молитвами, и благословеніями одного изъ князей на сверженіе ига татарскаго? Нужно ли говорить о другой, не менѣе, если не болѣе скорбной эпохѣ — эпохѣ самозванцевъ и нашествіи на насъ Поляковъ, а слѣд. нужно ли вспоминать имена Гермогена, Авраамія Палицына и др. столповъ вѣры и государства? Нужно ли говорить о другихъ уже позднѣйшихъ нашествіяхъ на нашу вѣру православную и Русь самодержавную, крѣпкую только своею вѣрою, разныхъ полчищъ Іезуитовъ, этихъ непризванныхъ миссіонеровъ, имѣвшихъ цѣлю просвѣтить насъ примрачнымъ свѣтомъ своей іезуитской религіи, а чрезъ то истощать жизненные соки изъ нашего, еще не окрѣпшаго, государства и народа? Все это, думаю, вамъ извѣстно; поистиннѣ, наши герои вѣры, свѣтильники церкви творили многія чудеса; спасавшіе наше отечество, они (какъ сказано у апостола (Евр. 11 гл.). О сильныхъ вѣрою у Израйля народа): часто и искушаемы были; нѣкоторые и остриемъ меча умерли (напр. св. Филиппъ), но своею вѣрою содѣвали правду, побѣждали неправду, и тѣмъ только спасали Русь православную отъ силъ враждебныхъ.

Такъ я не хочу долго задерживаться на исторической почвѣ въ короткой бесѣдѣ съ вами. Я обращаюсь къ настоящему смутному времени, хочу обратиться къ вамъ особенно, дух. юноши, крѣпкое слово апостола: *стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, утверждайтесь... Яко дніе лукави суть.* — И для

васъ конечно уже не тайна, что многіе, къ счастью не вышедшіе отъ насъ, а все таки б. ч. молодые люди, какъ и вы, усиливаются отнять у насъ дорогое наслѣдіе нашихъ предковъ—любовь къ Царю Помазаннику Божию довѣріе, къ правительству, даже благоговѣніе къ нашей вѣрѣ и церкви,—этому краеугольному камню (какъ замѣтили мы) нашего временнаго благоденствія и вѣчнаго спасенія. Съ своими адскими кознями они *первое* всего подходятъ съ настойчивыми усиліями, достойными лучшей цѣли, къ нашимъ *меншимъ братіямъ*, къ народу. Но не соблазнить имъ этихъ малыхъ по развитію, но сильныхъ вѣрою къ церкви и любовію къ Царю Помазаннику! Прелъ ними (этими малыми) и за ними стоятъ, стражники—наши и ваши отцы и дѣды, пастыри церкви они же и благоговѣйные почитатели Царя и Отечества. Эти стражники блюстители вѣры православной,—наши отцы и дѣды, такъ тѣсно сплоченные съ народомъ православнымъ, всегда составляли, и нынѣ составляютъ такую крѣпкую стѣну противъ адскихъ усилій, въ огражденіе церкви и отечества, противъ которой бессильны будутъ изощренныя стрѣлы лукавыхъ. Говоря другимъ языкомъ, духовенство и народъ, народъ и духовенство всегда составляли двѣ мощныхъ силы, сливавшіяся, въ случаѣ какихъ несчастій для отечества—Россіи въ одну непреоборимую крѣпость противъ враговъ и внѣшнихъ и внутреннихъ. И самъ нашъ Царь—Помазанникъ всегда обращался, въ случаѣ какихъ либо невзгодъ отечества, прежде всего къ правосл. духовенству и вѣрному своему народу; къ первому, какъ молитвеннику и другу народа, къ послѣднему, какъ къ крѣпкому въ вѣрѣ и вѣрности церкви и отечеству.

Далѣе, послѣ народа, быть можетъ, будутъ приражаться и къ вамъ, юноши, эти волки, ходящіе въ одеждахъ овчихъ,—эти сильные своею бессильною и не человѣческою мудростію, эти храбрые бойцы не за отечество, а противъ отечества, и даже Отца отечества, Царя православнаго.

Прельстимся ли мы этимъ сатанинскимъ прелъщеніемъ? Потеряемъ ли мы, или дозволимъ ли мы хоть часть украсть у насъ этимъ лжепророкамъ дорогаго наслѣдія, какое мы получили отъ нашихъ дѣдовъ и отцовъ, стражей Церкви православной? .. Вотъ нѣкоторые изъ васъ выходятъ въ жизнь послѣ нашей школы, можно думать, что въ это не хорошее время, постараются къ вамъ приражаться эти лже-христы и лжепророки, увидѣвъ васъ въ жизни, внѣ стражи нашей школы. О, умоляю васъ Богомъ и Помазанникомъ (Христомъ) Божиимъ отвращайте отъ нихъ слухъ свой; *будите премудри, по апостолу, искушающе время!*.. Вамъ извѣстно изъ уроковъ вашихъ наставниковъ, что сохраненіе вѣры и вообще уваженія къ св. религіи, благоговѣніе къ Царю Помазаннику, любовь къ отечеству и народу—великое сокровище для насъ въ бурныя, тяжелыя эпохи жизни. Страсти разыгрываются до разрушенія всего священнаго: чѣмъ обуздать ихъ можно, какъ не религіею, авторитетомъ божественнымъ?... Такимъ оружіемъ у всѣхъ народовъ, еще до христіанскихъ пользовались всѣ цари, правители и устроители порядка общественнаго. Не боится народъ авторитета божественнаго, потерявъ вѣру въ него,—и ничѣмъ уже неукротить его страстей. Страшный терроризмъ Франціи въ концѣ прошлаго вѣка—разительное доказательство сказаннаго. Ни наука, ни сила не могутъ пособить горю, особенно же наука, какъ понимаютъ ее сказанные враги нашего отечества, ложные жрецы науки.

Но обратимся опять къ вамъ, наши присные въ вѣрѣ и любви къ отечеству питомцы, особенно же къ оставляющимъ нашу школу. Пусть жизнь ваша, какъ и наша, будетъ нерадушна, далеко не усѣяна цвѣтами, пусть неприглядно будутъ смотрѣть на васъ, какъ теперь смотрять на васъ и на насъ, людей не этаго міра, пусть будетъ чернить васъ и наши школы какая нибудь фельстонная литература (см. напр. фельет. Совр. Изв. № 112), старайтесь утѣ-

шить себя мыслію, что вы не тѣ *передовые люди*, которые дерзають на Цареубійства, которые населяють наши тюрьмы и крѣпости, а главное, что вы, благодаря нашимъ *отсталымъ*, по миѣнію нѣкоторыхъ умниковъ, школамъ сохранили у себя драгоценное и священное наслѣдіе вѣры въ Бога, въ св. церковь и благоговѣніе къ Царю Помазаннику Божию, а это, между прочимъ и отъ того, что вы учились у учителей *не передовыхъ*, а подъ сѣнію храма первыхъ просвѣтителей славян. народовъ свв. Кирилла и Меѳодія. Аминь.

Протоіерей *Іоаннъ Сладкопѣвецъ*.

СЛОВО

въ день св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія,
просвѣтителей славянъ. (11-го мая).

Нынѣшній день мы, бл. слушатели, торжественно прославляемъ память покровителей сего святаго храма, св. равноапостольныхъ просвѣтителей славянъ Кирилла и Меѳодія и вмѣстѣ съ тѣмъ *обновляемъ*, по церковному выраженію въ своей памяти освященіе этого храма, совершенное въ этотъ день въ прошедшій годъ. Слѣдовательно сугубое у насъ празднество. Въ православной церкви искони существуетъ благочестивый обычай въ день памяти нарочитыхъ святыхъ, особенно храмовыхъ празднествъ вспоминать жизнь, и дѣятельность ихъ и такимъ образомъ *обновлять* въ памяти славныя дѣла ихъ, дивныя подвиги, коими они прославили себя на землѣ и достигли вѣчнаго спасенія. Начертать полную картину дѣятельности славныхъ просвѣтителей, равноапостольныхъ первоучителей славянъ—нѣтъ возможности. Сама церковь, прославляя ихъ подвиги, недоумѣваетъ, какъ достаточно восхвалить ихъ: *кими*, взываетъ она, *похвальными вѣнцы увяземъ Святители, языки словенскіи во тѣмъ невѣдѣніи и снѣи смертнѣи съдѣяція, святомъ Евангеліи просвѣтившія, Троицы еди-*

носушныя велегласныя проповѣдники? (Стих. на Госп. воззв.). Современники и ближайшіе потомки изумлялись предъ величіемъ трудовъ славянскихъ Равноапостоловъ, изливали сердца свои въ благоговѣйномъ прославленіи ихъ памяти и въ хвалебныхъ пѣсняхъ восхваляли тѣ славныя подвиги, которые предпріяты были и совершены знаменитыми Солунскими братьями. Прошла цѣлая тысяча лѣтъ, но всемірная слава св. Кирилла и Меодія неумалается, а еще болѣе и болѣе распространяется по землѣ; славянское слово, ими изобрѣтенное и въ прекрасной рѣчи изложенное разносится изъ мѣста первоначальной ихъ дѣятельности дальше и дальше, обнимая собою пол-міра живущихъ на землѣ, и служить звѣномъ, объединяющимъ всѣ славянскія племена въ одинъ великій и славный народъ славянской. *Кириллъ и Меодій*—какія чудныя, дивныя имена! Сколько съ именами этихъ святыхъ соединено славныхъ воспоминаній для всего славянскаго міра! И, для насъ, русскихъ вѣчно памятны имена этихъ святыхъ равноапостоловъ. Ихъ трудами воспользовалась земля русская для своего просвѣщенія. Ихъ книжною рѣчью впервые огласились святые храмы въ предѣлахъ нашего отечества; и благодаря трудамъ св. Кирилла и Меодія, у насъ быстро безъ всякихъ почти препятствій со стороны язычниковъ распространилась св. вѣра Христова.

Для нашего назиданія нынѣ обратимъ вниманіе на первоначальное образованіе святыхъ славянскихъ первоучителей.—Различными путями Господь велъ святыхъ братьевъ Солунскихъ къ предназначенной имъ великой цѣли — быть учителями и просвѣтителями славянскихъ племенъ. Меодій—старшій изъ братьевъ, какъ сынъ богатыхъ и знатныхъ родителей, по собственному расположенію, или вѣрнѣе по желанію родителей, рѣшился испытать счастья въ военной службѣ, какъ болѣе почетной, по эта, хотя и блестящая по видимому карьера, не удовлетворяла Меодія, вскорѣ онъ перешелъ на гражданскую службу, дослужился до большихъ чиновъ и сдѣлался правителемъ одной славянской области (Иллirian). Но

не въ этомъ состояло призваніе Меѳодія.—Промыслъ Божій указывалъ ему другое названіе. Высокое, почетное положеніе—въ свѣтѣ, блестящая карьера,—почетъ, каковымъ былъ окруженъ, какъ пачальникъ—не по душѣ были св. Меѳодію. Онъ оставилъ все и—въ неизвѣстной какой-то обители поступилъ въ монашество. Жизненный путь, хотя и блестяще проведенный св. Меѳодіемъ, до его поступленія въ монашество, мало извѣстенъ. Карьера имъ избранная, славная дѣла имъ совершенныя, были извѣстны его современникамъ, но ничего не передано о нихъ потомству. Безслѣдною прошла жизнь св. Меѳодія, какъ военачальника и градоправителя.

Таковы-то по большей части послѣдствія дѣятельности людей, стремящихся въ этой жизни составить блестящую карьеру, приобрести богатые средства для роскошной жизни и увѣковѣчить имя въ исторіи. Миръ неблагодаренъ къ своимъ адептамъ. Путь, пройденный св. Меѳодіемъ до преполовенія его жизни, не вашъ путь, питомцы этого храма! По выходѣ изъ этого заведенія вамъ предстоитъ другая болѣе скромная дѣятельность и неблестящая карьера. Цѣль этого учебнаго заведенія—приготовленіе молодыхъ людей на служеніе православноѣ церкви въ должности народныхъ учителей и, по большей части, пастырей сельскихъ церквей. Не завидная, по видимому, ваша роль, но тѣмъ не менѣе почтенная и благотворная и для васъ самихъ и для другихъ. Служеніе св. церкви и знаменитаго Меѳодія сдѣлало славнымъ. Но не въ гражданскихъ доблестяхъ, не въ воинскихъ подвигахъ честь и слава прославляемаго нынѣ св. Меѳодія, а въ его учительной и проповѣднической дѣятельности на пользу св. церкви. Нами чтится онъ, какъ славный трудяхъ равноапостольный просвѣтитель славянъ.

Идеаль вашей будущей дѣятельности св. Кириллъ и жизненный путь отъ дѣтства имъ избранный такъ близокъ для васъ, а потому такъ и дорогъ для васъ. Лѣтописи и народныя сказанія, молчаніемъ проходя о подвигахъ св. Меѳодія на его военномъ и гражданскомъ поприщѣ, съ особенною

любовію останавливаются на жизни свят. Кирилла, подробно излагая жизнь его съ самаго дѣтства. Предъ нами чудная картина воспитанія св. Кирилла. Константинъ, такъ названъ былъ св. Кириллъ при крещеніи, былъ послѣдній и любимый сынъ у матери. Не кормилица, какъ воздонила другихъ ея сыновей, но сама благочестивая мать воспитала Кирилла, съ дѣтства внушала ему страхъ Божій и наставляла его въ истинахъ Христовой вѣры и нравственности. Одаренный необыкновенными, блестящими способностями—Кириллъ съ семи лѣтъ сталъ учиться граматѣ и сразу полюбилъ науку. Дивный сонъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на послѣдующую судьбу Кирилла; онъ всѣмъ сердцемъ возлюбилъ божественную Софію и старался постигнуть тайны премудрости Божіей. Родители, по мѣрѣ возможности, способствовали развитію его умственныхъ силъ и онъ острою ума удивлялъ всѣхъ. По смерти отца, Кириллъ отданъ былъ въ училище и тамъ, по сказанію біографовъ его, *учася книгамъ, преуспѣваше памятью и разумомъ паче сверстниковъ своихъ*. Учился онъ съ большимъ усердіемъ и съ блестящими успѣхами, но не уклонялся и отъ дѣтскихъ игръ. Разъ онъ былъ на соколиной охотѣ съ своими сотоварищами; пустилъ своего сокола за птицей, по тотъ, подхваченный порывистымъ вѣтромъ, пропалъ; сильно опечалился св. Кириллъ, такъ что два дня, отыскивая исчезнувшаго сокола, онъ не касался къ пищѣ,—потомъ раздумалъ и сказалъ: «какъ непрочно земныя утѣхи! не успѣешь порадоваться, какъ настагаетъ и печаль. Съ этого дня избираю для себя другой, лучшій путь жизни».—И всецѣло преданъ ученію, чтенію свящ. писанія и сочиненій св. отцевъ; особенную возимѣлъ отрокъ любовь къ св. Григорію Богослову, творенія котораго преимущественно старался изучать. У этого св. отца онъ просилъ мудрости. Начерталъ на стѣнѣ въ своей комнатѣ крестъ, а подъ нимъ слѣдующую молитву: «О святителю Божій, Григоріе Богослове! ты тѣломъ былъ человѣкъ, а жизнью явился ангель; уста твои, какъ сера-

фимскія прославили Бога хвалами, правовѣрное же твое ученіе просвѣтило вселенную: мою тебя пріими и меня, припадающаго къ тебѣ вѣрою и любовію и буди мнѣ учитель и просвѣтитель». Но многое изъ возвышеннаго ученія св. Григорія было непонятно Кириллу. Къ этому времени преданіе приурочиваетъ одинъ весьма знаменительный фактъ изъ его жизни, изъ котораго вы увидите съ какимъ усердіемъ занимался онъ науками. Изучая творенія св. отцевъ, юный Кирилль не могъ понять какое-то грамматическое рѣченіе и никто ему не могъ протолковать его изъ солунскихъ учителей. Однажды въ Солунѣ явился какой то риторъ, тщеславившійся своею ученостію. Кирилль обратился къ нему, но ученый не обратилъ вниманія на просьбу отрока. Кирилль умолялъ софиста объяснить не понятое имъ,—но тотъ остался не преклоннымъ; тогда св. отрокъ со слезами упрашивалъ ученаго помочь ему въ усвоеніи трудно понимаемой науки,—обѣщавъ ему половину своего наслѣдства, которое ему достанется отъ родителей; но риторъ и послѣ сего съ напыщеннымъ тщеславіемъ недоучекъ, мечтающихъ о себѣ болѣе надлежащаго, отвратился отъ любознательнаго отрока. Послѣ сего Кирилль обратился къ Богу, къ Подателю и Источнику мудрости, чтобы онъ самъ открылъ ему путь къ большимъ знаніямъ и молитва отрока была услышана. На 15-мъ году Кирилль неожиданно вызванъ былъ въ Константинополь къ царскому двору въ сотоварищи по ученю наслѣднику престола, Михаилу: примѣромъ Кирилла (такъ какъ молва о дивномъ умѣ и необыкновенныхъ успѣхахъ въ наукахъ достигли до столицы) хотѣли заохотить царевича къ ученію. Можете представить какою радостію исполнилось сердце любознательнаго отрока и какъ пламенно возблагодарилъ онъ Господа! Въ столицѣ при дворѣ Императора находились ученнѣйшіе тогда въ имперіи мужи какъ напр. знам. Фотій и такимъ образомъ Кириллу пришлось получить по тому времени, блестящее образованіе. Много языковъ и

наукъ онъ изучалъ здѣсь и во всѣхъ успѣлъ такъ, какъ для инаго довольно было бы успѣть только въ одной какой либо наукѣ. За успѣхи въ наукахъ, за свой глубокой разумъ Кириллъ названъ былъ *философомъ*; съ юнымъ философомъ любили бесѣдовать мужи ученые и лица высокопоставленныя. Одинъ придворный вельможа такъ полюбилъ Кирилла, что хотѣлъ выдать за него свою родственницу, обѣщаль ему блестящее положеніе при дворѣ, — однимъ словомъ хотѣлъ ошастливить его... Но св. Кириллъ на такія лестныя предложенія отвѣчалъ Логофету „твой даръ великъ для того, кто имѣетъ въ немъ нужду, но для меня нѣтъ ничего выше науки“. По окончаніи своего образованія Кириллъ былъ посвященъ во священника и назначенъ библіотекаремъ при Софійскомъ храмѣ и съ этого времени начинается славная дѣятельность его какъ учителя и проповѣдника христіанской вѣры.

Но довольно... И изъ сказаннаго вы можете извлечь для себя назидательный урокъ. Старайтесь, по мѣрѣ силъ своихъ, преуспѣвать въ книжномъ ученіи во время образованія вашего и здѣсь въ этомъ учебномъ заведеніи и по выходѣ отсюда, да будете, подобно прославляемымъ нынѣ святымъ славнымъ первоучителямъ, нелѣстными учителями вѣры и благочестія и истинными пастырями церкви Христовой, чтобы удостоиться и въ будущей жизни вѣчно блаженствовать и съ ними и со всѣми святыми. Аминь.

Еъ свѣдѣнію епархіальнаго духовенства.

Въ 10 № Епарх. Вѣдомостей стр. 395 напечатано письмо о книгѣ: *Полный кругъ временъ*... Письмо это принадлежитъ графу Дмитрію Никол Толстому, проживающему въ Сергіев. посадѣ, отъ котораго можно выписывать вышеупомян. книгу.

СОДЕРЖАНІЕ. Дмитрій Ивановичъ Успенскій. — Слово въ день свв. Равноапостолювъ Месодія и Кирилла. — Слово на тотъ же день. — Объявленіе.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ **Димитрій**.

Печатать позволяется. Тамбовъ, 4-го іюня 1879 года.

Цензоръ, Протоіерей **Іоаннъ Сладкопѣвцевъ**.

Губернская Земская Типографія, на большой Астраханской улицѣ, д. Земства.